

**ВОСПОМИНАНИЯ
О НАСТОЯЩЕМ**

РАССКАЗЫ

ИГОРЬ РЫЖКОВ

Игорь Рыжков

Воспоминания о настоящем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68956080

SelfPub; 2023

Аннотация

Не ошибайся, когда, что – то просишь у всевышнего, иначе – может случится всякое...

Игорь Рыжков

Воспоминания о настоящем

Модель предпочтений

Уил Смит крепко спал, когда настойчивый телефонный звонок решил вытащить его из неги спокойного сна. Звонок бесновался как полоумный, то понижая, то повышая тон, выключаясь на некоторое время, и снова принимаясь за экзекуцию.

Уил натянул на голову подушку, плотно укутался одеялом, сосчитал до пятидесяти в надежде, что его оставят в покое, но тщетно. Телефон трезвонить не переставал и его звонки не стали менее требовательными. Измотавшись в конец, Уил сел на постели и с ненавистью уставился на старенький аппарат с длинной трещиной по всему корпусу.

Протянул руку, снял трубку и с опаской поднес ее к уху. Позвонить в столь поздний час мог только один человек. Профессор Челленджер, странный, взбалмошный, неугомонный, доводящий до полного нервного истощения своими идеями и торопливостью.

– Алле! – Прорычала трубка, разумеется, голосом профессора Челледжера.

– Смит?

– А ты хотел услышать епископа? – Съехидничал Уил.

– Меня уволили! – Продолжал профессор.

– Сожалею... – Протяжно зевнул Уил и посмотрел на фосфоресцирующий циферблат над кроватью. Часы показывал тридцать две минуты четвертого. В том, что профессор лишился очередного места работы, Смита не удивило. Со склочным характером ученого мирились очень не многие работодатели.

– Чем могу помочь? – Без участия в голосе произнес в трубку Уил. Голова от недосыпа страшно болела. В глазах от проезжающих по улице машин плясали цветные чертики. Квартиру давно пора было менять. Ни тройное остекление, ни автоматические шторы не спасали от бликов фар и шума. Прямо за углом дома, в котором жил Смит начинался трамплин аэроавтобана. Лихачи на спортивных автомобилях проходили звуковой барьер задолго до конца жилой зоны, и это не могло не сказаться на качестве отдыха. Никакие материалы не спасали от ударов сверхзвуковых переходов. Полиция, разумеется, штрафовала нарушителей, но это мало помогало. На хороших автомобилях ездила обеспеченная молодежь и часто квитанция об уплате за превышение скорости обрамлялась в рамочку и вывешивалась на стену, как доказательство особых качеств, владельца авто.

– И? – Широко зевнул Уил в трубку.

– И... – Ответил Смигу Челленджер.

– Ну... – Начал злиться Смит.

– Значит так! – Зарычал Челленджер привычно. – Ты сей-

час соберешься и выедешь до третьей улицы. Там на пересечении с шестой Парковой есть ресторан. Я буду тебя ждать ровно сорок минут. Если не приедешь – пеняй на себя. – Трубка дала отбой. Смит нажал кнопку прекращения диалога и грязно выругался. Третья парковая была на другом конце города. За сорок минут он, конечно, туда доберется, но это будет стоить и времени и нервов, и денег.

Керосин стоил недешево, а знакомство с профессором его карман не делало более полным, Однако, послушаться было нельзя иначе – «Пеняй на себя»

– Скривился Смит и показал язык телефонному аппарату. Он посидел на постели еще минуту, сладко почесывая грудь и, наконец, упрямо тряхнув головой, отправился в ванную.

Струя ледяной воды из крана быстро прогнала сон. Уил зачесал светлые волосы на затылок. Промокнул их полотенцем и сбрызнул из баллончика пылеотталкивающим составом. Ночью в городе гари было не меньше чем днем. Вышел из ванной и отправился снова в крохотную спальню. Гардероба у него не было. Вся одежда умещалась на старом деревянном стуле, который выбросил на лестничную клетку расточительный сосед. Уил влез в, когда то синие джинсы. Воткнул ноги в коричневые туфли. Натянул футболку, и решив, что лучше быть одетым теплее накинул сверху поношенный серый пиджак в мелкую клетку.

В кармане звякнул жетон прокатного Опеля. Машины не то, чтобы не престижной, но богатеи почему то избегали ез-

дить на авто этой марки. Смиту Опель нравился. Нравился своей продуманностью и неторопливостью. Летал он не очень быстро, ездил тоже, но был легким в управлении, и обладал весьма совершенной системой безопасности.

Смит встряхнулся, перед тем как выйти из квартиры. Натянул на худощавое лицо сосредоточенное выражение и толкнул двери. Дверь скользнула в стену, выпуская хозяина наружу. Смит лифт проигнорировал, поскольку каждый проезд стоил опять же денег и стал спускаться по лестнице, за пользование которой пока никто не догадался брать плату. Спуск не подъем и поэтому с уровня сорокового этажа Смит спустился менее чем за восемь минут. Он, несколько запыхавшись, добрался до своей машины. Чиркнул жетоном по рукоятке двери и с удовольствием сел в кресло. Натянул на голову шлем наблюдения и взялся за штурвал.

Опель чихнул пару раз, запуская двигатель, выпустил из тяговой турбины синий вонючий клуб, но через миг исправился и ровно заурчал. Смит вырулил на трамплин. До третьей улицы можно было добраться и по земле, но это заняло бы гораздо больше времени, а Смит хотел еще немного и перекусить. Если, разумеется, это получится. Челленджер мог испортить аппетит кому угодно.

Смит дождался своей очереди на разгон и утопил педаль газа. Пружины противоперегрузочного кресла жалобно скрипнули.

– Старый конь борозды не портит – сквозь сомкнутые зубы просипел Смит и вытянул штурвал на себя. После прыжка авто трансформировался в болид и выпустил короткие крылья и хвостовые стабилизаторы. Полетом это было назвать нельзя. По настоящему летали лишь некоторые модели Феррари и Ламбарджини, да и то на расстояние не больше сотни миль. Японцы пытались создать Ауди с ресурсом полета в триста миль, но без качественного автопилота. Комитет запретил их использовать.

Смит скосил глаза вправо. Там должны были быть маяки привязки к посадочной площадке расположенной как раз у Парковой улицы. До шестой Парковой и далее до пересечения с третьей улицей он сможет добраться и по земле. Опять же, если не будет пробок и, если какой ни будь урод не подрежет его на трассе.

Опель наклонил нос и в перекрестье шлема появились пять огней прицеливания к центру посадочного круга. Опель прыгал высоко, длинно, мягко. Не далеко, но очень точно и это было несомненным преимуществом автомобилей этой марки.

Смит выдавил штурвал от себя. Авто сделал небольшой маневр за счет гироскопов и перекрестья прицела и посадочные огни слились в единую фигуру, похожую на созвездие Южного Креста, как раз торчавшего в небе над головой.

Упругий тент площадки легко принял Опеля и погасил

удар, неизбежный при посадке. Смит без притормаживания сделал некрутой вираж и ушел в левый сектор трассы по направлению к Парку. Теперь надо было держать ухо востро. Как ни старалось Правительство, как ни бился Комитет, порядка на дорогах за последние тридцать лет так и не стало больше.

Скорости перемещения людей, спрятанный в жестяные коробочки, за этот срок увеличились вдвое, но разумности это им не добавило. Были попытки разработать систему сдерживания, ввести ограничения на объем двигателя и искусственно ограничить скорость перемещения. Законы принимались, но исполнять их не хотел никто. Время стало единственной и самой устойчивой валютой. Если, вы куда то не успевали, то не успевали никуда: ни жить, ни работать, ни размножаться. Все делалось бегом, все делалось по возможности быстро, и даже секс был по времени лимитирован в суматохе мегаполиса.

Справа Смита попытался подрезать, какой – то БМВ. Смит резко ушел на левую полосу и добавил скорости. Стомильную полосу в этом время можно было даже назвать пустой. Десяток авто впереди Опеля Смит не считал помехой. С рассветом количество машин на трассе возрастало на порядок. Вот тогда и начиналась настоящая свалка. В авариях гибло уже столько людей, что эти цифры давно перестали сравниваться с потерями в войнах и техногенных катастрофах. Счет шел на миллионы. Страховые компании, обеспе-

чивающие выплаты родственникам трещали по швам и ежечасно слали запросы в Комитет, с требованиями решить этот вопрос. Однако...

Ауди, ехавшая сзади, сделала отчаянный прыжок, и с тяжелым стоном рухнула впереди. Смит едва справился с виражом, уйдя на правую полосу. Какой, то идиот решил прыгнуть без трамплина и, конечно же, не справился с управлением. Сейчас его занесет вправо, выхлоп собьет тепловые датчики ориентации еще на двух трех машинах и будет свалка. Привычная свалка. Над головой застрекотал вертолет Комитета.

– Быстро работают. – Отметил про себя Смит. Раньше разбитые машины растаскивали с трассы тягачами. Теперь это делают вертолеты и делают намного быстрее. Через час погибших развезут по моргам, раненых по больницам и все снова встанет на свои места.

Панелька штурмана засветилась красным. Уголек машины Смита приближался к повороту на Парковую улицу, но нужна была не первая – шестая. Однако на второй и третьей уже произошли аварии. Ждать пока разберут завалы, Смит не мог, и он свернул на первую Парковую. Там было потише, эта трасса не главная и для того, чтобы выбраться к пункту назначения ему придется дожидаться очереди, но на это уйдет времени гораздо меньше.

Сзади опять сигналили фонарями, меняя поляризацию излучения. Смит ответил «стопами», что не пропустит и до-

бавил скорости. Выпустил антикрыло и сделал резкий поворот вправо. В проулок между башнями. В общем, то пешеходный, но ночью он был совсем пустым. Слава богу, что он действительно оказался пустым. Разбитый мусорный бак, оставивший приличную вмятину на крыле Опеля, был не в счет, Смит предполагал, что такое может случиться, и заранее застраховал восстановительный ремонт. Взнос в десять долларов компенсировал работы на сумму в шестьсот долларов. Страховые компании знали этот прием, когда полис оформляется за секунду до наступления страхового случая, но ничего с этим пока поделать не могли. Водители оказались расторопнее их следственных отделов и лобби в Комитете.

Вот и шестая Парковая. Смит выключил двигатель, оставив габариты, снял шлем, опустил стекло, и закурил, ждать выезда на шестую улицу, нужно было минут пятнадцать. К ресторану он успевал.

В клипсе мобильного раздался мелодичный сигнал вызова. Смит выбросил сигарету в окно. Поднял стекло, поскольку с опущенным стеклом из-за уличного шума разговаривать было невозможно.

– Ты едешь? – Раздался рык профессора.

– Еду-еду... – Отозвался Смит. – На шестой Парковой уже. До перекрестка с третьей доберусь минут за двадцать. Дождешься? – Челленджер не ответил. Бросил трубку. Смит отогнул средний палец и показал его своему отражению в тонированном стекле. Профессор ездил как Бог и расстоя-

ние от его квартиры до любой части Города преодолевал не более чем за час. Именно поэтому он выражал явное неудовольствие низкой автоквалификацией Уила Смита.

Интересно, зачем он ему понадобился? Поплакаться в жилетку насчет его увольнения? Вряд ли. Профессор не из тех людей, которые плачутся в жилетки.

Стоящий впереди Шевроле – седан, пыхнул ускорителями и рванулся без разрешения в щель между грузовым Вольво и желтым Фольксвагеном-жуком, так и не изменившим своей формы за десятилетия. Трюк удался. Шевроле, ничего себе не помяв, победно пристроился в цепочку и рванул по своим делам.

Теперь очередь за Опелем Смита. Уил суеверно сплюнул через плечо. Натянул шлем поглубже, положил руки на штурвал и, улучив момент надавил педаль до пола.

Вклиниться между Маздой и Хьюндаем удалось без особых проблем. Они шли по крайней правой полосе и не особенно спешили. Смит быстро перестроился на левую полосу, и добавил скорости. Теперь он мог идти в потоке, до самого перекрестка с третьей улицей. Он вспомнил расположение ресторанчика, о котором говорил Челленджер и решил вначале проехать перекресток. На развязке он переберется на встречную полосу. Ресторан стоял на левой стороне дороги и из этого ряда Смит не смог бы без происшествий выбраться на обочину.

На развязке, разумеется, снова произошла авария. Желтый жук, в котором, по всей видимости, сидела какая, ни будь древняя старушенция, неуклюже вильнул по дороге и ударился в отбойник. У Смита выбора не было – пришлось прыгать. Он выдернул штурвал на себя, мысленно переключился и закрыл глаза.

На коротких прыжках приходилось рассчитывать исключительно на везение. Трассу транслировали на шоферский шлем всего на сто метров вперед. Правильно рассчитать траекторию, а тем более скорректировать ее в полете было нереальным. Однако Смиту повезло. Опель проглотил удар об асфальт и даже не сошел со своей полосы. Джон не стал переключаться на камеры трансляции заднего вида в полный экран. Он и в пятаке справочного экрана видел нагромождающиеся друг на друга разноцветные обтекаемые коробки.

Вот и ресторан, привычно круглый, как автомобильное колесо. Со стрельчатой крышей имитирующей колесный диск и серебром покрытия на больших витринных стеклах. Мерседес Челленджера стоял на шестой ячейке парковки. Смит, опередив, шустрого российского Ваза, который машиной был замечательной, но ломался чрезвычайно часто, запарковался на большой пятерке нарисованной масляной краской на асфальте.

Он с облегчением стянул с головы шлем. Бросил его на пассажирское сидение. Вышел из машины и захлопнул дверь. Опель сморгнул огнями, проверяя наличие жетона в

салоне, и щелкнул центральным замком. Проверка жетона тоже была неоспоримым плюсом этих машин. Почему то никому из конструкторов других моделей не пришла в голову мысль о том, что водитель может забыть его в салоне. Центральный замок срабатывал в любом случае, если в течение десяти секунд водитель не включал его сам. Частенько случалось так, что водитель пробирался в салон только с помощью профессионального автомеханика. Но, как, бы, то ни было, Челленджер Смита ждал и Смит это видел. Он сидел на высоком барном стуле, болтая короткими ножками, не достающими до пола, и нервно поглядывал на часы.

Смит толкнул тяжелую дверь, ответившую веселым звонком колокольчика. Смит не удивился тому, что двери нужно было толкать. Ресторану было, наверное, больше полусотни лет. Однако выглядел он весьма прилично. Смит подошел к бару, и не глядя на профессора, перегнулся через стойку к бармену.

– Пива и порцию сосисок – гриль. – Бармен кивнул и выставил перед Смитом запотевшую кружку и картонную тарелку с полосатыми сосисками. Щедро полил их горчицей и бросил пару кружочков натурального репчатого лука. Вот этим и нравились Смигу старые рестораны. Просто и вкусно. Хлореллу и планктон он, разумеется, ел, как пищу наиболее дешевую, но иногда баловал себя, и чем – то более естественным.

– Ну? – Повернулся он к профессору после того как отпил

из кружки.

– Есть дело. – Без предисловий перешел к сути вопроса Челленджер. – Если выгорит. То и тебе и мне хватит до конца дней наших. Может и детям еще останется.

Смит недоверчиво скривил губы. Профессор всегда говорил одно и то же, каждый из его проектов был самым замечательным в мире. Самым успешным и самым беспроегрышным. Он обещал миллионы, десятки миллионов долларов, но приносил в лучшем случае – гроши в худшем – обвинение в мошенничестве и жуткие счета на освобождение от ареста под залог. Смит воткнул пластиковую вилку в полосатый бок короткой сосиски. Тщательно выкупал ее в горчице, и подцепив кружочек лука, отправил все это в рот. Долго и тщательно жевал. Потом запил большим глотком пива.

– Ты всегда это говоришь. – Он даже не посмотрел на профессора. Пусть почувствует себя неуютно. Смит уже сорок лет. У него ни квартиры, ни приличной работы, ни семьи. Двадцать лет назад судьба – злодейка, привела его на кафедру Челленджера в городском университете и до сих пор таскала за ним как на привязи. Смит так и не понял, почему талантливый ученый выбрал его – бездаря в ассистенты. Да еще включил в тематический план научных разработок его курсовой проект. Бездарность она всегда бездарность. Курсовой проект в конкурсе занял третье с конца место и энтузиазма к дальнейшему покорению научных вершин Смит не добавил. Однако, Челленджер добился для Смита пер-

сональной стипендии, и через год, после того как тот окончил университет, сделал его доктором электроники. Не смотря на все усилия профессора, Смита в университете не оставили. А для порядка распрощались еще и с самим Челленджером, обвинив его в торговле степенями. Денег профессор от Смита, разумеется не получал, но иногда Уилу хотелось все таки их ему отдать, лишь бы этот карлик пропал с его глаз долой.

Профессор Челленджер был действительно карликом. Кто и что повлияло на его скелет сказать теперь трудно. Может быть, родители работали на вредном производстве. Может быть, зачали его в обдолбанном стимуляторами состоянии. Все может быть, но нормальным, у профессора была лишь голова. Все остальное миниатюрных размеров и карикатурных форм. Короткие кривые руки с крохотными цепкими пальчиками. Короткие кривые ножки, для которых он с трудом находил подходящую обувь. Хилая грудь. Зато голова была абсолютно правильной и если не смотреть ниже, то профессора, даже можно было назвать красивым. Прямой нос, смуглая кожа, бешеные черные глаза, кудрявая постоянно вздыбленная шевелюра, шикарная борода и белоснежная улыбка. Вот зубам Челленджера Смит завидовал. Ничему не завидовал, так как зубам. Свои зубы у него были достаточно крепкими, но все – же мелковатыми. Мода на искусственный оскал давно прошла. Сейчас ценились естественные улыбки, разве что чуть-чуть подправленные стоматологами.

Профессор был в курсе модных течений и практически не закрывал рот. Он демонстрировал зубы всем, начиная от бродячего пса у входа в ресторан, заканчивая им Уилом Смитом – вечным его ассистентом.

Смит наколол еще одну сосиску, и так же тщательно покрыв ее слоем крепкой горчицы, повесил кружок свежего лука.

– Я больше не хочу никаких проектов... – Произнес он ровно и запихал сосиску в рот, по – прежнему, не глядя на профессора, жевал ее медленно и осторожно мелкими своими зубами, так как опасался, что профессор бросится на него с кулаками. Внешность обманчива. Она была обманчива и в случае с профессором Челленджером, не смотря на малые размеры, тот был силен и ловок как дикий барс. Причем в драке профессор не брезговал ничем. Мог и ухо откусить. На всякий случай Смит отодвинулся чуть-чуть дальше и косил взглядом, надеясь заметить движение профессора загодя и вовремя среагировать.

– Ты не все знаешь, сынок. – Рыкнул профессор и припал к своему бокалу с пивом. Его стул был вывинчен до предела, но до верха стакана ему все – таки пришлось тянуться и это Смита сделало более сговорчивым. Опять же это «сынок», профессор был каким – то странным. Может быть, на этот раз он предложит, что ни будь действительно стоящее?

Смит проглотил сосиску. Глотнул пива и повернул голову

вправо. Профессор на Уила не смотрел. Он возил пальцем по стойке бара и о чем – то напряженно думал. Любопытство – гибель Смита, разгоралось все ошутимей. Сколько раз Уил давал себе слово не быть любопытным, но каждый раз его нарушал. Он изобразил на лице максимальный скепсис и поторопил профессора.

– Ну? – Челленджер улыбнулся плотно. Он добился того чего хотел. После этого «Ну» он мог вить из Уила веревки.

– Мальчик мой – произнес он с отеческой заботой.

– Я все – таки Его построил. – Смиту показалось, что на щеке профессора даже блеснула одинокая слезинка. Этим коротким словом «Он» профессор называл электронного пилота для автомобиля. Комитет давал за удачную модель шесть миллионов долларов, но ставил непреодолимую задачу по достоверности прогноза ситуации этого устройства. Десять в тридцатой степени. Таких показателей пока не смог добиться ни один научный коллектив старушки Земли. Поэтому, Смит Челленджеру не поверил. Он по- прежнему скептически кривил губы и через три секунды размышлений вернулся к недоеденным сосискам.

Он купал в горчице очередной мясной батончик и нервно отделял один кружок лука от другого. Все – таки некоторые сомнения у него были. А все тому виной проклятое любопытство. Именно оно всегда говорило Смиту – А вдруг? А если?

– Теоретически? – Нашелся он, что спросить у профессора. Теоретических моделей сверхнадежных электронных пилотов для авто хватало. Программисты давали жару. Электронщики тоже не отставали. Однако, тонны диссертаций так и не решили вопроса о практическом его воплощении в металле и пластике.

– Практически... – Буркнул профессор обиженно.

– А я тебе зачем? – Не сдавался Смит.

– Сдай его Комитету и получи барыш.

– Мне одному не справится. – Проворчал Челленджер.

– Ты же знаешь.

– Знаю... – Кивнул Смит. Профессор в случае нечастых удач с воплощением своих идей на практике появлялся перед давателем гранда только после двух-трех встреч с ним своего ассистента. Именно в этом и заключалась работа Смита.

Доверия к человеку нормального шестифутового роста было больше. Смит, наконец, дождался свой то ли ужин, то ли завтрак и бережно собрал остатки горчицы с тарелки специально для этого оставленным кусочком хлеба.

– А посмотреть можно? – Уил припал к кружке с остатками пива и смотрел на профессора через мутное стекло кружки.

– Нужно! – Рыкнул профессор и бросил на стойку жетон. Посмотрел на часы за стойкой. Сверился со своими.

– Он в моем Мерседесе. Схемы и алгоритмы здесь. – Он

выложил перед Смитом Лап-Топ – крохотный переносной компьютер.

– Предварительное решение можешь посмотреть прямо сейчас. Проверишь позже. А мне... – Он достал бумажник и осмотрел клапан для наличности. Вытащил зеленую бумажку и бросил ее на стойку.

– Пора...

– Возьми Опеля. – Завозился Уил в поисках жетона от своего авто.

– Не на метро же тебе ехать?

– Я на такси... – Заторопился Челленджер.

– Дела... – Он уперся детским пальчиком в пиджак Смита.

– Прочитай... Потом прокатись... Можешь даже на Пике покататься. Это не тридцатая достоверность. Это тридцать вторая. – Он задумался на миг, потом поправился.

– Второй Пик пятницы – тридцать вторая. Первые Пики около двадцати девяти... Или отдохни... Потом позвонишь. О месте встречи договоримся отдельно. – Он понизил голос.

– Все таки шесть единиц – это сумма. – он подмигнул карим глазом, ловко спрыгнул со стула и переваливаясь как пингвин, вышел на улицу.

– Шесть единиц... – Передразнил профессора Смит.

– Шесть единиц. – Под единицей Челленджер всегда подразумевал одно и то же. Это были деньги. Причем совершенно конкретная сумма. А именно миллион. Боже мой! Смит

ни разу не слышал о том, чтобы профессор опускался в своих проектах ниже единицы. Может быть, его проблема заключалась именно в этом? Хотеть всего – это ничего не хотеть. Разве не так?

Смит допил пиво. Двинул кружку в сторону бармена, желая выпить еще одну. Во хмелю, он соображал лучше, насколько бы это странным не показалось. Водил хуже, а соображал лучше. И пел лучше, особенно в душе. Бармен споро нацедил требуемое, и двинул кружку обратно к Смицу.

– Итак... – Вздохнул Уил и нажал на Лап-Топе запуск. По экранчику побежали строки: загрузка, проверка и прочая дребедень предваряющая работу почти любого электронного устройства. Когда иконки засветились на экране призывно голубым, он ткнул пальцем в вожденное: «Моделирование процесса».

Смит не считал себя гением. Он не считал себя одаренным. Мало того – он считал себя бесталанным. Он за всю свою жизнь ничего не придумал сам. Но некомпетентным он не называл себя никогда. Разобраться в сложных математических построениях профессора у него квалификации хватит. Смит хлебнул пива и цепко уставился в ровные строчки формул.

Бармен наполнил еще одну кружку и с сочувствием придвинулся ближе к Смицу. В ресторане он был единственным посетителем, и словоохотливому хозяину не терпелось поговорить. Говорили обычно про аварии. Сколько участвова-

ло авто в свалке. Сколько жертв и кто все – таки остался цел. Сколько средств Комитет потратил на ликвидацию ее последствий, и на какие суммы страховые компании сделали выплаты.

Смиту было недосуг. Похоже, профессор действительно, что – то придумал. Смит сделал большой глоток. Попросил у бармена сухариков и ткнул пальцем в иконку перелистывания окна. Бармен, обиженно поджав губы, двинул по стойке тарелку с сухариками. Смит, не глядя, запустил в нее пятерню и, роняя крошки на стойку, принялся хрустко грызть.

Почувствовав привкус копченой лосося, Уил оторвал взгляд от экрана компьютера и благодарно кивнул хозяину бара. Тот расплылся в широчайшей улыбке и негромко включил телевизор, вделанный в решетку для хранения кружек. По первому каналу снова передавали репортаж Комитета о том, как какой – то мотоциклист на Хонде устроил свалку в районе сорок шестой и семнадцатой улиц. Смит дальше слушать не стал. Всегда было одно и то же – погибших человек двести. Раненых около пятисот. Суммы страховых выплат миллионов двенадцать-пятнадцать. И новый запрос Комитета в Сенат об ограничении скорости на трассах. Решение этой проблемы оцененное комитетом в шесть единиц лежало перед Смитом. Оно было в электронной памяти Лап-Топа, и в блоке управления Мерседеса, который был припаркован рядом с баром. Смит, на всякий случай взял со стойки жетон Челленджера и спрятал в карман.

Модель профессора была действительно воплотимой. Обратные связи несколько медлительны, но достоверность прогноза превышала заявленные требования Комитета на целый порядок, однако, существовало некоторое ограничение, на преодоление которого Смиуту пришлось потратить еще кружку пива. В расчетах профессора аналитическому блоку пилота требовалась адаптивная постоянно обновляемая модель предпочтений.

Баллистические прогнозы вообще не считались чем – то сложным. Если авто движется с некоторой скоростью и ускорением, то сказать где он окажется через десять секунд сможет и ребенок. А вот спрогнозировать на какую педаль, или на какой рычаг, и с какой силой нажмет водитель – было практически невозможным.

За это и платил Комитет. Модель предпочтений это вначале – огромный статистический массив, из которого выводятся некоторые зависимости.

Ну, например – если авто имеет черный цвет, то его водитель не пользуется в прыжке ускорителем. Если авто наехал правым диском на разделительную полосу, то через сто метров наедет левым на другую разделительную полосу. И так далее. Формализация подобной модели, т.е. математическое описание зависимостей – представляло несомненную проблему.

О том, как ученый решил эту задачу в расчетах, ничего не было сказано. Модель предпочтений существовала постула-

тивно. Она просто была и все.

Смит посмотрел на часы. До Пика еще была уйма времени, и он успеет вздремнуть пару часов.

Смит закрыл крышку компьютера, сунул его в нагрудный карман и окриком подозвал клюющего носом бармена. Рассчитался наличными, чем привел хозяина в восторг. Наличные сейчас редкость, но на карточке Смита лежал неприкосновенный запас в восемьсот долларов, расходовать который он не хотел. Сжав через одежду заветный жетон, он вышел из бара. Великолепный, разумеется, черный вылизанный до последней запятой агрегат поджидал своего нового хозяина там, где его оставил прежний.

Как только Уил подошел на расстояние ближе полуметра Мерседес сам просигналил фонарями о том, что узнал в Смита пилота и радушно щелкнул замками. Смит опустился в кресло. Привычно натянул коммуникативный шлем, положил руки на штурвал и задумался. Если профессор действительно прав, то электронный пилот проведет авто до его квартиры без происшествий.

Тем более, что его достоверность была выше всяких похвал. Он осторожно убрал руки с рубчатой оплетки и сложил их на груди.

– Семьдесят вторая Южная! Двадцатый уровень! Шестой гаражный бокс! – Пожалуй, слишком громко отдал он команду пилоту. Авто запустил двигатель, лихо развернулся на

парковочном пятаке, и без разгона и трансформации ушел в прыжок. У Смита комок встал в горле. Машина перед прыжком даже не выпустила крыльев, однако, прыжок был рассчитан действительно точно.

Баллистическая кривая давала достаточно времени на трансформацию, и в конце – концов, это был все таки Мерседес. На таких моделях с незапамятных времен ездили уважаемые люди, ценящие не только скорость и комфорт, но и безопасность. В экстремуме авто щелчком выплюнул крылья и заскользил, в первом эшелоне, едва-едва добавляя тяги в тех случаях когда какой либо неумеха пытался его обогнать.

Штурвал без рук пилота – зрелище не для слабонервных. Он сам опускается и поднимается, сворачивает то вправо, то влево, педали, обретшие свободу воли, утапливаются в пол без принуждения. Кнопки щелкают. Лампочки мигают. По экрану бортового компьютера ползут графики согласования траекторий.

Уил удивленно приподнял брови. Профессор, похоже, его не обманывал. Совпадение действительно было достоверным. Порядок он сейчас вычислять не стал. Хотел все – таки немного отдохнуть перед испытаниями на Пике. Это было намного интереснее. Да, и эксперты Комитета поверят быстрее, если он провезет их, скажем, по третьему уровню с Полуострова на Материк в час Пик.

Там двенадцать механически не регулируемых развязок, шесть подуровней и ни одного трамплина. Прыгать с асфаль-

та до сих пор не умел ни один электронный пилот. Даже это было огромным плюсом, за который Комитет может заплатить.

Постепенно перед Смитом выстроились реальные перспективы получения премии Комитета. В успех Челленджера он почти поверил. Даже, если его пилот не справится с Пиком, то, по крайней мере, можно было продать технологию стартового прыжка. Стоить это будет намного меньше, но все -таки пара сотен тысяч долларов могла бы осесть на их с профессором счетах.

Расстояние от бара до квартиры Смита пилот прошел безукоризненно. Посмотрев на маршрутизатор, Уил оскорбленно поджал губы. Расчетное время прибытия на целых четыре минуты превосходило реальное. Сам Смит в расчетное время укладывался всего дважды. Слишком много было непредсказуемых событий на городских трассах.

Управлять машиной на прямой могла бы и простая адаптивная гидравлика, а вот достоверно спрогнозировать ситуацию хотя бы на три секунды вперед при крейсерских скоростях пока не мог ни человек, ни электроника. Хотя, десятков особей хомо на этой планете обладала способностями к столь далекому прогнозу.

Например, в пилотах болидов Формулы-0 таких было трое.

Смит бросил шлем на сиденье рядом. Вышел из маши-

ны и кликнул микроком жетона. Авто щелкнул центральным замком. Смит довольный кивнул светлой головой. Оставалось найти профессора и поделиться с ним новостями. Уил прижал к уху коммуникатор и произнес номер коммуникатора Челленджера. Соединение было мгновенным. Челленджер, похоже, звонка ждал. Да и как ему было не ждать звонка. Без Смита же ему как без рук. Уил злорадно сверкнул зубами.

– Профессор... – Все – таки ровным голосом и с некоторым оттенком скепсиса произнес он в приклеенный к щеке микрофон.

– Я тут немножко прокатился. Вроде бы есть шанс загнать этого «коня» Комитету. На Пик я еще не ходил, но, по, крайней мере, мы сможем поторговаться за «прыжок».

– Хорошо... – Несколько тревожно ответил профессор.

– Я появлюсь у тебя на уровне через десять минут. Будь дома. Обсудим детали. – Резкая, рубленая, манера Челленджера изъясняться по телефону выводила Уила из себя. Но ничего не оставалось, как подняться в лифте. Теперь все – таки в лифте и упасть на диван в ожидании новоявленного гения.

Смит, оставив авто двинулся к лифту. Дешевому лифту.

На скоростном лифте – за три доллара, ездили люди более обеспеченные. Он Смит поедет на дешевом – за пятьдесят центов, он медленный, старый и не такой надежный, но дешевле. Уил долго ждал своего дешевого лифта, и монета в

пятьдесят центов давно стала в кулаке влажной и неприятно запахла окислами.

Пот с ладони был слишком едким. Однако, минут через семь, громыхающая коробка все таки соизволила остановиться на уровне гаражей, и открыть одну створку приглашая Смита. Именно одну. Вторая изъеденная временем была заварена намертво. Смит протиснулся в вонючие, заплесневевшие, исписанные фломастерами, внутренности лифта, и громко произнес номер уровня.

Не надрывать голос, а нажимать кнопки могли себе позволить люди богаче, чем он. В дешевых лифтах анализаторы речи заменяли панели кнопок для того, чтобы их не приходилось менять слишком часто. Из приборов внутрь лифта выходила только панель монетоприемника. Лифт просто вас не выпустит, если у вас не денег. Система была очень простой и надежной. Каждый, кто собирается ехать на лифте третьим классом должен иметь монету в полдоллара.

Смит аккуратно опустил монету в щель. Механизм крякнул, позвенел приводом, пошипел сжатым воздухом и нехотя отодвинул створку в сторону.

Смит, облегченно вздохнув, вышел в коридор. Его квартира находилась не на самом престижном уровне. Самые дорогие квартиры строились на верхотуре.

На высоте шестисот метров уже не было смога. Воздух был чистым и свежим. А здесь приходилось обходиться си-

стемами фильтрации. Смит подошел к дверям и вставил в скважину карту ключа. Дверь пискнула, моргнула зеленым и пропустила его внутрь. Кондиционер был выключен. Отчетливо пахло керосиновой гарью. Смит включил на фильтре режим очистки и бухнулся на диван. Хотелось пива, но холодильник стоял на кухне, и до него нужно было еще дойти.

Уил думал не долго. Пиво все – таки достать следовало. Профессор должен был скоро прийти. Смит качнулся на диване и встал на ноги. На ходу расшвыряв туфли по углам, протопал в кухню. Он достал одну банку, потом немного подумав, добавил еще одну. Для профессора. Тот пиво любил и никогда не брезговал возможностью пропустить кружечку-другую. Смит вернулся к дивану и поставил банки на стол. Вытащил из пачки сигарету и закурил. Курил он исключительно дома. На улице это было запрещено. Профессор позвонил в дверь, как только Уил стряхнул пепел.

– Не заперто! – Гаркнул Смит и положил рядом с пивом Лап-Топ. Ему очень хотелось расспросить профессора о модели предпочтений, которая была лишь объявлена, но не описана. В том, что пилот летает замечательно, Смит уже убедился. Теперь он хотел разобраться в том, как он работает.

–Привет... – Буркнул Челленджер, семена в спальню Смита. Он, разумеется схватил банку с пивом и по детски, вначале руками потом коленом вобрался на постель рядом со Уилом.

– Хреново выглядишь... – Глотнул из банки Смит. Профессор выглядел утомленным.

– Ты тоже... – Не остался в долгу профессор. Он осушил пол – банки. Сдернул со спинки кровати сохнувшее полотенце своего ассистента и, не сказав ни слова, побежал, смешно подпрыгивая в ванную. Уил ничего профессору не сказал. Гении бесцеремонны, а профессор без сомнения был гением. Хотя, пахло от него...

Уил скривился и сделал большой глоток. И где это его носило?

Профессор плескался долго. Мурлыкал что – то под нос. Громко ругался, когда мыло выскальзывало из рук или вода попадала в ухо. Через пол – часа он выбрался из душа и нагишом, если не считать полотенца Смита на бедрах пробрался в спальню.

– Ну? – Плюхнулся он в единственное кресло в комнате.

– Что? – Отозвался Смит. Челленджер взялся за свое пиво.

– Я тебя спрашиваю как проект? – Профессор, не спуская со Смита глаз, опрокинул банку почти вертикально.

– Хорошо... – Отозвался Смит.

– И все? – Профессор допил пиво и выбросил банку в угол. Просто выбросил в угол. Неряха. За собой он никогда не убирал.

– Я его в Пике попробую. По третьему уровню трасс с По-

луострова на Материк. – Произнес Смит.

– Если пилот пройдет Пик то и эксперты его примут. Пройдет твоя колымага?

– Они уже лет пять были на ты. Процентная разница в возрасте становилась все меньше. Смит у уже было за сорок. Профессору еще меньше шестидесяти. Цветущий возраст у обоих. Профессор секунду подумав, кивнул бородой.

– Пройдет... И в трассе как приколоченный стоять будет... Я репетировал...

– Смит удовлетворенный кивнул.

– Я вот еще что хотел спросить. В твоих расчетах для тридцатого порядка требуется модель предпочтений. А она постулативна. – Смит допил пиво и бросил банку туда же в угол. Все равно ему убирать.

– Никаких описаний. – Профессор устало сморгнул глазами. Потер правый коротким пальчиком. Смачно зевнул и, похоже, вопрос Смита проигнорировал.

– Давай спать, студент. – Это обидное «студент» Смит слышал многие годы, но так и не признался профессору в том, что это обращение ему не нравится.

Завтра экспертиза. На втором Пике.

Челленджер слез с кресла. Перебрался на постель Смита, ловко опрокинулся на спину и захрапел. Засыпал он мгновенно. Смит задумчиво пожевал губами. Выходило так, что профессор уже договорился с Комитетом. Но как – же без ис-

пытаний? Уил прилег рядом, свернувшись калачиком. Челленджер лег поперек постели, и Смит у оставалось, совсем немного места. Однако, как только его голова коснулась подушки, усталость не дала времени на домыслы.

Эксперты позвонили ровно в шестнадцать тридцать. За час до второго Пика. Смит продрал глаза и долго соображал, где он находится. Три кружки в баре и банка дома дали о себе знать легкой головной болью, однако, он чувствовал себя все-таки выспавшимся. Уил взял трубку и прижал к уху.

– Алле...

– Уил Смит? – Раздался в телефоне ровный солидный голос.

– Да. – Подобрался Уил. Голос на этом настаивал. Эксперты Комитета были ребятами что надо. На мякине не поведешь.

– Вы дома, или это переадресация на ваш коммуникатор? – Смит отогнул средний палец на свободной руке. Он часто это делал, но никогда на людях.

Протест в явной форме был наказуем. Этот из Комитета говорил настолько правильно и длинно, что сводило скулы.

– Дома, разумеется. – Ответил Смит.

– Приготовьте болид. Мы прибудем через пятьдесят минут. После проверки на втором Пике на счет вашего компаньона придет оговоренная сумма. Однако на Пике вы будете с нами. Простите... Так надо... Было много попыток мистификаций...

– Хорошо. – Прошептал Смит в трубку и положил ее на рычаг. Окинул квартиру взглядом. Профессора не было. Тот, по своему обыкновению, уходя, его не предупредил, однако, нужно было еще привести себя в порядок.

Сделке, наверное, все – таки суждено состояться. Проход второго Пика мог стоить Смиту не только здоровья, но и жизни, но Смит не боялся. Страх давно перегорел в ровное унылое состояние и незыблемую уверенность в том, что хуже уже ничего быть не может.

Смит, пошатываясь, встал с постели и побрел в ванную. Засунул голову под струю ледяной воды. Долго ждал, когда головная боль станет менее острой. Закрыл воду и жестко растерся подсохшим за ночь полотенцем. Прошел на кухню. Залез в холодильник. Долго стоял, разглядывая пестрые упаковки полуфабрикатов. Готовить не хотелось. Уил достал упаковку йогурта и остатки апельсинового джема. Громыкнул коробкой для хранения хлеба, нашел среди шуршащего целлофана согнувшуюся краюшку сдобной булочки. Выставил провизию на стол. Щелкнул клавишей кофеварки. Для того, чтобы прийти в норму нужны были стимуляторы. Кофеин был самым безобидным.

Завтрак не занял много времени. Уил проглотил булочку в два приема. Йогурт, подумав немного, вернул в холодильник. А вот с кофе провозился дольше. Тот был слишком крепким и слишком горячим. Бросив посуду в мойку и достав сигарету, он стоял несколько минут раздумывая за-

курить или нет. Решив, что экспертам может, не понравится запах табака, вернул сигарету в пачку.

Он уже обулся и влез в пиджак когда клипса мобильного пропела «Ах мой милый Августин» и легонько кольнула в мочку.

– Иду... – Буркнул он в микрофон.

– Это Уил Смит? – Почему решили удостовериться эксперты Комитета. Они говорили по телефону вдвоем. Голоса звучали в унисон, словно перед тем как позвонить эксперты долго репетировали.

– Да-да... Я спускаюсь! – Крикнул Смит и торопливо воткнул карту в замок.

– Мы на гаражном уровне! – Чрезмерно громко ответили оба собеседника одновременно.

– Хорошо! – Отозвался Смит.

– Буду через шесть минут.

– Мы ждем! – Клипса пиликнула отбоем. Смит прошел в коридор, на ходу просматривая бумажник. Из наличности присутствовали три монетки по доллару. – На спуск до гаражного уровня хватит. – Подумал Смит, и гордо выпятив грудь, прошествовал к лифту первого класса. Опустил монету в приемник. Лифт в ту же секунду открыл двери, словно поджидал его лично. Смит ступил на ворсистый ковер, и не дождавшись пассажира, который летел с другого конца коридора, сломя голову, нажал на кнопку гаражного уровня.

Двери с легким шелестом закрылись, и лифт мягко пошел

вниз. Смит долго смотрел на свое отражение в зеркальных стенах. Одежда выглядела еще приличной, а вот лицо. Глаза запали слишком глубоко и могли возбудить недоверие. Кожа от нерегулярного и несбалансированного питания стала сухой и серой. Губы синеватые. Но вот волосы в полном порядке. Хотя... – Смит пригладил выбившийся из прически вихор. – Нужно будет перекрасить волосы в темный. Шатенам договариваться с клиентами проще.

Лифт незаметно для Уила добрался до гаражного уровня. Призывно оповестил об этом Сита тихим колокольным звоном и услужливо распахнул двери. Эксперты стояли напротив. Смит перешагнул невысокий порожек лифта и склонил в приветствии голову.

Если поздороваются за руку, то все получится – Загадал Смит. Эксперты долго и пристально смотрели на Уила. Оба были в черных костюмах, лаковых туфлях и черных очках, высокие, с развитой мускулатурой в черных галстуках и белоснежных рубашках. Рубашка Уил позавидовал. Каждая из них стоила по пятьсот долларов и имела собственных генератор статики, отталкивающий уличную копоть. Обычной, белой рубашки на улице хватало минут на тридцать. Потом она становилась неопрятно серой. Тот, что стоял справа повыше ростом, наконец, сделал шаг и протянул руку Смицу.

– Уэлрой Гаррот... – Негромко, хорошо поставленным голосом представился он. Смит обрадовано вздохнул и пожал холодные пальцы представителя Комитета. Выжидатель-

но посмотрел в темные очки второго.

– Саверлей Тимоти... – Тот наклонил в приветствии черные блестящие, хорошо уложенные, волосы, но руки не подал. Он ими обеими держал блестящий нихромовый чемодан.

– Анализатор. – Он кивнул очками в чемодан, предупреждая вопрос Смита.

– Разъем стандартный, настроечный. Питание собственное. В работу болида не вмешивается.

– Странно – Подумал Смит. Судьба – злодейка, опять ничего не хочет решать сама. Один руку пожал другой – нет. Как тут стоять прогнозы?

– Вы меня слушаете? – Заставил Саверлей Тимоти Уила сосредоточиться.

– Да-да, конечно! – Отозвался Смит.

– Документация на пилот при вас? – Это уже спросил Уэлрой. Как его бишь там? А! Гаррот...

– Да, разумеется. – отозвался Смит и полез во внутренний карман пиджака. Выудил компьютер и передал Гарроту. Тот не глядя на крохотную клавиатуру, включил Лап-Топ. Мгновенно пробежался по расчетам профессора зашоренным очками взглядом и задал вопрос, заставивший Уила покраснеть. Вопрос был тем же самым.

Модель предпочтений постулативна. Вы опишите ее после сделки? – Он вперился черным своим взглядом в переносье Уила. Уил замялся. Профессор ничего о том, как вы-

путаться из этой ситуации не говорил. Ребята были действительно подкованными, и Смит боялся попасть впросак.

– Пилот работает... – Начал он осторожно. – Я проверял. Достоверность на простых трассах не меньше двадцать восьмого порядка. Без модели он не смог бы дать таких показателей. Следовательно, она существует и вам нужно просто испытать болид.

– Мы, разумеется, это сделаем. – Прервал его Гаррот. Тимоти молчал, застыв каменным изваянием в обнимку со своим чемоданом.

– Однако, Комитет должен быть уверен в том, что он получит желаемое. – Продолжил Уэлрой.

– Прошу прощения...

– Начал оправдываться Уил.

– Разработки вел не я. Мой... Коллега... Он сейчас в отъезде и прибудет... Не скоро. Однако. – Уилу стало жарко. Краска прилила к щекам. Ощущение того, что он лжет – его не покидало. Однако существовал еще один способ решения проблемы. Уил радостно вздохнув, продолжил уже более уверенно.

– Профессор не оставил точных описаний, но вы сможете сделать с помощью своего анализатора срез параметров модели. Если вы запишите хотя бы десяток срезов, то уже получите вектора предпочтений. Вот вам и модель. Пусть не формализованная. Но статистика тоже наука. И даже, если профессор не появится, то вы все равно сможете восстано-

вить описание. Я прав? – Уил даже позволил себе согнуть ногу в колене. Так он был собой доволен. Эксперт почесал правую бровь, аккуратно выгнув ее над очками. Пожал плечами. И... Кивнул головой.

– Поехали. – Смит позволил себе даже улыбнуться. Одного он не сказал экспертам. Но недоговоренность ложью не считается ведь верно? Летать по модели предпочтений восстановленной на основе статистических данных все равно, что играть в шахматы без всякой стратегии, перебирая ходы. Разумеется, какая – то успешная тактика разработана будет, но стоит измениться обстоятельствам, стилю игры, например, как старая модель начнет ошибаться. По новому типу реакций у нее заранее запасенных ответов нет.

Смит двинулся к парковкам и кликнул жетоном Мерседеса. Болид ответил радостным подмигиванием фонарей и приоткрыл дверцы. Эксперты не удивились несоответствию авто и внешнего вида владельца. Они деловито забрались назад. Пристроили свой чемодан на коленях и соединили его проводами с автомобилем.

Смит сел на водительское сидение и захлопнул дверцу.

– Нет... – Раздалось за спиной. Похоже, это был молчун Тимоти. Его разговорчивость как то была связана с чемоданом анализатора. Как только Тимоти от него освободился, Гаррот предпочитал помалкивать.

– В кресло рядом... Будьте добры... – Вот это «Будьте добры». Смиуту очень не понравилось. Не к добру это «Будь-

те добры».

– Буду-буду. – Прошипел он сквозь зубы. Или не прошипел, а просто подумал. Он выбрался из машины, обошел ее плюхнулся на пассажирское сиденье.

– Управление голосовое? – Нудил Тимоти.

– Голосовое... – Кивнул Смит.

– Настройка индивидуальна? Модуляции?

– Нет... – Смит нехорошо скривился.

– Я думаю – сразу пробуем Пик шестого съезда на Материк? – Это Тимоти сказал Гарроту. Смиту сделалось плохо. На лбу выступил пот. Если они выберут третий уровень... то...

– Угу... – Отозвался Гаррот.

– По первому уровню. Там требования к достоверности повыше. – Уил Смит нервно сжал пальцы. Едва подавил желание выскочить из машины и послать ко всем чертям и профессора и Комитет... Но... Лишь согласно кивнул. Выбора не было. Попытка ввести Комитет в заблуждение каралась смертной казнью. И никак иначе. Штрафы и возмещения администрацию этого бюрократического монстра уже не интересовали. Он нашарил под футболкой маленький серебряный крестик с распятием и нежно его поцеловал.

– Будь что будет.

– Запуск! – Деревянно выкрикнул Тимоти. Двигатель Мерседеса ровно заурчал. Вибраций практически не чувствовалось.

– Отсюда по тринадцатой... На десятом уровне. Дальше в предстартовый карман. – Скомандовал Гаррот.

– Спуск на третий, потом на первый и дальше через развязки Кольца на Материк. – Как же они все -таки слаженно работают! – Удивился Смит. – Комитету будет, наверное, очень жаль потерять таких замечательных сотрудников. Он мельком глянул на часы. До Пика на Кольце оставалось восемь минут. Они прибудут туда не просто на Пик. Они прибудут на максимум Пика.

Смит закусил губу. Потом в необычной для себя веселой бесшабашности решил, что похороны за казенный счет сэкономят ему немало средств. На этом и успокоился.

– Пошел! – Неласково скомандовал Гаррот. Авто мягко присел. Толкнулся взрывной тягой и прыгнул в открывшееся окно парковочного пятака. Как и предполагал Смит пилот перестроил аэродинамику авто как только тот прошел переплет окна парковки. Створки лязгнули металлом у них за спиной, и Мерседес перешел в планирующий полет.

Двумя короткими вспышками он скорректировал траекторию и почти нежно присел на десятый уровень тринадцатой улицы. Аккуратно словно под микроскопом, вымеряв, безопасную дистанцию между корейской триста второй Дэу и Фордом чопорных европейцев.

– Лимит по времени не задан... – Скрипуче выдал пилот. Эксперты довольно переглянулись. Посмотрели оба в свой чемодан.

– До прибытия десять. Дальше минимум на проход до Материка.

– Принято... – Отозвался пилот авто.

– Господин Смит. – Обратился к Уилу Гаррот.

– Мы уже сейчас можем дать вам за технологию стартового прыжка не менее двухсот пятидесяти тысяч. Что вы на это скажете? – Смит кисло улыбнулся. Четверть единицы – это все же ее четверть. Профессор будет вне себя.

– Играем полный банк! Уэлрой! – Смит с трудом вспомнил имя Гаррота. Все – таки называть эксперта Комитета по имени может не каждый. Он Уил Смит может. По крайней мере, пока они не прибыли в карман.

– Хорошо! – Кивнул Уэлрой и уткнулся в чемодан.

Авто шел не нарушая ни одной строки Правил и все же опережал график уже на десять секунд. Смит шевельнул хромированным браслетом на руке, вылавливая в отражениях, лица Гаррота и Тимоти. Они, похоже, были очень довольны характеристиками пилота.

– Мы берем его с авто! – Вдруг выкрикнул Тимоти.

– Пилот настроен на эту автомашину! Добавляем еще сто тысяч!

– Достаточно? – Смит скрестил пальцы на правой руке. Дела идут неплохо, однако, до единицы еще не хватало прилично.

– Играем все! – Отозвался он севшим голосом.

– О кэй! – Улыбнулся Тимоти.

До предстартового кармана Кольца добрались за шесть с половиной минут. Гаррот и Тимоти эксперты Комитета по надзору за движением были очень довольны. Однако Уил Смит их восторгов не разделял. Впереди было Кольцо, и не просто Кольцо, а Кольцо в Пике. На Пике ежегодно гибло пять процентов населения Города. Единственное что спасало популяцию – это приросты населения за счет иммиграции. Сотни тысяч людей приезжали в Город в поисках денег и славы, редкие из них находили, и то и другое. Большая часть оседала в низших слоях социума или гибла на трассах.

Авто застыл в предстартовом кармане и нервно заурчал двигателем перегазовывая, пожалуй, слишком эмоционально для электронного устройства. Смит прикрыл глаза. Через три секунды откроется шлюз, и лавина автомобилей хлынет, торопясь, чрезвычайно торопясь по своим делам. Многие останутся здесь, скомканные, в машинах, растерзанные, размазанные по асфальту.

Коллектор шлюза сбросил заслонку и для тех кому ее было не видно зажег серию зеленых огней. Мерседес взвыл двигателем и рванулся вперед так, что у Смита отвисли щеки. Кресло погасило большую часть перегрузок, но голова все-таки держалась исключительно на его шее. Шлем стал тяжелее вдвое. Смит хотел его снять, но пальцы едва шевельнулись. Первые секунды оторопи прошли и он, наконец, сообразил, что сделал пилот.

Пилот шел с упреждением. С абсолютным упреждением. Словно на серфе, спускаясь с высокой волны, оставляя за собой буруны, ямы и смертельно опасную глубину. Стратегически ход был исключительно точным. Исключительно.

Мерседес машина хорошо управляемая, тяжелая, обладающая хорошими скоростными характеристиками. Из движка пилот выжимал все, на что тот был способен. Первую развязку они проскочили моментально. Практически по пустой дороге, поскольку опережали поток почти на четыре корпуса. На второй пилоту пришлось потрудиться. На ней основной поток смешивался с двумя низкоскоростными периферийными, вбирающими в себя авто из-за Кольца.

Однако в бестолковой сутолоке перестроений пилот вел машину замечательно. Те, кто въезжал на Кольцо с Периферии имели свой почерк, свой характер вождения. Они нерешительны, бестолковы, пугливы, идут на малых скоростях, прыжками практически не пользуются, часто переоценивают характеристики своих стареньких перегруженных авто и на обгонах надолго зависают на встречной полосе.

С третьей и четвертой развязками пилот разобрался тоже достаточно просто. Он ушел на Мах-полосу и увеличил скорость. Мах-полоса вообще для особого транспорта. Для наземников со скоростями более двухсот пятидесяти миль в час. Один из сотни решался ходить по этой полосе и, соответственно, она была относительно свободной. Для того, чтобы сохранить управляемость, пилот перестроил аэроди-

намику и практически не пользовался рулевой колесной парой, управлял направлением движения исключительно стабилизаторами. И это оказалось очень правильным.

Какой – то смельчак приблизительно в миле от авто Челленджера, не выдержав скоростного режима закувыркался по полотну, разбрасывая веером брызги остекления, куски обшивки, части двигателя. Пилот с легкостью ушел в прыжок. Двести пятьдесят миль – это крейсерская скорость легких самолетов. Оторваться от полосы даже на малой тяге не составило труда. Огненный шар мгновенно вспыхнувшего авто остался позади. Мерседес в притирку сел на полосу и без тени ошибки загудел дальше, Смит почувствовав некоторое облегчение, снова шевельнул браслетом на руке.

Гаррот и Тимоти напряженно смотрели в приборы своего металлического ящика, у Гаррота предательски подрагивали уголки губ. На лицо постепенно вползала удивленная улыбка, но он, ее на своем лице не хотел и всячески этому сопротивлялся. Клиент может зависить цену, если увидит, что товар нужен Комитету. А он действительно нужен. Очень. Снабженные высокодостоверными пилотами авто просто будут довозить своих пассажиров до места назначения живыми.

Каждый из них добропорядочный или не очень, но все – таки гражданин Города и налогоплательщик. Каждый из них, что то производит и платит с произведенного Комитету, Комитету очень нужны налоги, соответственно, ему очень нуж-

ны налогоплательщики в самом продуктивном возрасте и в цветущем состоянии здоровья.

– Достаточно! – Вдруг выкрикнул Тимоти.

– Ближайшая парковка! Любой пятак! – Мерседес вильнул вправо, втиснулся в промежуток между двумя большегрузами Вольво, затем прямо по разделительной полосе прошел между пестрыми рядами авто и снова перестроился на правую полосу. Парковочный карман почти пустой, на транзитом перегоне появился через три мили.

Мерседес, деликатно погасив скорость, запарковался вровень с отбойниками. Смит, первый открыл свою дверку и вывалился из машины. Поднявшись на ноги, он сорвал с себя шлем и бросил на сиденье. Волосы, не смотря на хороший кондиционер в салоне, взмокли и липли ко лбу и вискам.

Гаррот и Тимоти синхронно хлопнув дверцами, выросли по бокам автомобиля. Гаррот деревянно переступая ногами, подошел к Уилу. Радушно улыбнулся, обнажив крепкие зубы. Протянул правую руку для рукопожатия и долго тряс мокрые пальцы Смита. Затем протянул левую руку с банковским интерфейсом.

– Может наберете сами? – Вопрос Уила застал врасплох.

– Что? – Недоуменно переспросил он.

– Транш в шесть миллионов долларов. – Ответствовал Гаррот.

– Я не знаю, повезло ли вам, господин Смит.

– То, есть. – Съежился Уил.

– Если бы вы смогли наладить производство пилота, то заработали бы гораздо больше. – Смит позволил себе улыбнуться.

– Я не умею налаживать производство. – Пожал он плечами.

– Итак. – Перешел на официальный тон Гаррот. Тимоти оставил в покое чемодан и подошел ближе.

– Ни вы, ни ваш компаньон после перевода оговоренной суммы не имеете никаких прав на это устройство. – Это сказал Гаррот. Тимоти продолжил.

– Ни вы, ни ваш компаньон не можете больше работать в этом направлении. Ни создавать новые модели, ни разглашать информацию о принципах его работы, программирования, формировании модели предпочтений и прочее. – Уил озадаченно кивнул.

– Во избежание преследования вашей группы транш объявлен анонимным и вам предписывается в течение трех суток покинуть Город. – Уил продолжал внимать. Гаррот перехватил инициативу.

– После перевода оговоренной суммы вы обязаны ее обезличить, переведя в международные кредитные сертификаты на предъявителя номиналом от десяти до пятидесяти тысяч. Если вы не произведете обезличивание средств, в предписанные сроки, то Комитет будет считать себя в праве, отозвать платеж без вашего акцепта. – Уил снова кивнул. Об акцепте он, что – то слышал. Акцепт означал на языке людей

владеющих крупными суммами денег разрешение. То есть Комитет без его Смита разрешения заберет свои деньги назад. Уилу это не понравилось. Он уже ощущал эти миллионы. Он их чувствовал. Он их уже потратил.

– Прошу прощения, господа... – Решил он прервать монолог экспертов. – Сейчас возможна замена счета на другой счет? – Близнецы переглянулись.

– Желательна, Уил. – Это сказал Гаррот.

– Это обезопасит вас и вашего компаньона. – Продолжил Тимоти.

– Не исключено, что в Комитете есть информаторы корпораций. Они очень... Я подчеркиваю – очень заинтересованы в вашей разработке.

– Наберите счет сами. Сумма отлимитирована. – Гаррот протянул банковский интерфейс Уилу, Уил долго копался в карманах, отыскивая затертую пластиковую карту.

Наконец, вытащил ее и приблизил к слезящимся глазам. Смог раздражал слизистую, а шлем он оставил в авто, он вытер о штаны потную ладонь и набрал серию цифр. Мысль о том, что интерфейс сможет считать счет сам ему в голову не пришла.

Уил Смит пользовался этой картой не часто. Мало сказать «не часто». Это и была его карта с неприкосновенным запасом в восемьсот баксов. На самый черный день. Будет очень хорошо, если на ней будет чуточку больше. Всего на шесть единиц. Уил поднял взгляд на Гаррота. Тот качнул интер-

фейсом, предлагая сделать что то еще.

– «Ввод», господин Смит.

– Поторопил он Уила.

– Нажмите «ввод».

– Да-да, конечно. – Засуетился Смит и нажал широкую серую кнопку ввода.

– Поздравляю! – Произнес Тимоти и нырнул в авто.

– Поздравляю! – Продублировал Гаррот и также спрятался в Мерседесе.

Авто рыкнул движком. Сделал плавный разворот. Хлопнув форсажем, легко прыгнул с асфальта. Смит, зажав рот и нос ладонью, спасаясь от смога, проводил их подозрительным взглядом. Мерседес сделал длинную красивую траекторию, прицеленную на причальный карман десятого уровня автострады. Начал аэротрансформацию и... Не выпустив правый стабилизатор, стал плавно заваливаться на бок. Машина на долю секунды зависла в верхней точке траектории, и стала стремительно падать, беспорядочно кувыркаясь в поток нулевого уровня. Смит закрыл глаза.

– Вначале будет вспышка. – Подумал он. За веками ярко сверкнуло.

– Теперь звук. Грохот и скрежет опоздали всего на секунду. В небе застрекотали вертолеты. Смит открыл глаза. На нулевом уровне продолжали громоздиться друг на друга разноцветные капли болидов. Отсюда это выглядело даже красиво. Похоже на детскую пирамидку из кубиков.

Уил качнулся с пятки на носок. Пожал плечами. В конце концов, в автокатастрофах гибнут тысячи. Он стряхнул с себя оцепенение и задумался о своих делах. А дела вроде бы шли в гору. Он с уважением посмотрел на свою карту, на которой уже лежало шесть единиц с хвостиком.

Он улыбнулся тому что «с хвостиком», приятно, черт побери, говорить даже самому себе, что имеешь шесть миллионов долларов «с хвостиком». Теперь он может себя немного побаловать. Самую малость, не так ли? Он поднял руку вверх. Теперь он может позволить себе даже такси.

Желтый в шашечку болид Фольксваген Стар Плюс, с шиком объехав Смита, хлопнул обратной тягой и остановился так, чтобы ему оставалось только сесть. Открылась высокая дверь. Смит осторожно пробрался в сумрак авто и утвердился на кожаном диванчике.

– Куда едем? – Развернулся к нему слепой шлем водителя.

– Отель Хилтон. – Отозвался Смит. Деньги выворачивали грудь. Делали голос раскатистым, густым, взгляд значительным, и немного скучающим. Он позволит себе расслабиться всего сутки. А потом выполнит точь в точь указания экспертов Комитета.

В конце концов в том, что они не смогли доставить пилота к зданию Комитета его вины нет. Сделка состоялась. Деньги получены. Теперь нужно сделать так, чтобы они остались у него навсегда. Именно у него и именно навсегда.

– Пентахуз Люкс. – Добавил он, тем самым раскатистым

и густым голосом. – Профессор задолжал ему двадцать лет жизни. Почему бы их не оценить в эти шесть миллионов?

– Номер парковки, сэр! – Обратился к Смиту пилот такси.

– А? – Не понял тот.

– Назовите номер парковки, сэр. – Повторился пилот.

– Пентахуз люкс имеет восемь уровней парковок. Все, начиная с третьего в чистой зоне.

– Чистая зона это престижные высоты. – Подумал Смит. –

Пусть будет самая престижная.

– Восьмой! – Выкрикнул он пилоту. – Его шлем качнулся утвердительно.

Смит расслабился. Времени у него было достаточно. Пилотам такси Правилами запрещалось двигаться со скоростями более ста пятидесяти миль в час. Им запрещались прыжки вне трамплинов и даже с трамплинов пилоты такси прыгали с ограничениями по дальности. Службу доставки своих верноподданных Комитет еще мог контролировать.

– Расчетное время прибытия пятьдесят минут. – Проговорил пилот. Теперь Смит кивнул утвердительно. Это время его устраивало. Тем более, что в Хилтоне наверняка есть отделение банка через который он может получить сертификаты. Отдых и работу можно было приятно совместить.

– Заключили хорошую сделку? – Весело осведомился затылок шлема за армированным стеклом.

– Да... – Отозвался Смит. Ощущение денег приходит не сразу. Оно приходит постепенно. Вначале вы не верите, что

они у вас есть. Потом вы не верите, что их у вас достаточно. Потом вы не верите, что их у вас много. Потом вы верите, что их у вас достаточно. Достаточно для... Для того, чтобы начать новую полную радости жизнь.

– Наверное, очень хорошую? – Продолжал диалог пилот. Поднимать настроение пассажирам пилотам такси предписывали Правила. Уил об этом знал и от беседы не отказывался.

– Хорошую. – Улыбнулся он.

– Ну, если мы едем в отель Хилтон, то лучше не бывает? – продолжал допытываться шофер.

– Не бывает. – Скупое отозвался Смит.

– А суммочку не озвучите? – Пилот перенастроил камеру так, чтобы видеть богатого пассажира. Камера имела двустороннюю настройку, и на небольшом экране Смит видел нижнюю часть улыбающегося лица пилота с крепкими, подозрительно крепкими зубами.

– Н-нет, пожалуй... – Насторожился Смит.

– Достаточно много.

– А давайте, я попробую угадать! – Не унимался пилот. Его попытки сделать пассажира еще более счастливым казались Смицу неуклюжими, и он даже позволил себе снисходительно кивнуть головой.

– Я думаю, что вы продали пилота Комитету и получили за это не менее шести единиц! – Смит опешил. Это «единиц» он слышал редко и в основном от одного человека. Он

подвинулся ближе к экрану для того, чтобы разглядеть лицо собеседника. Верхнюю его часть скрывал шлем. Однако подбородок, особенно этот постоянный оскал с демонстрацией зубов. Смит скривился, словно проглотил таракана.

– Профессор?

– А ты хотел встретить здесь епископа?!

– Ай-я-яй! – Продолжал он, не глядя в пассажирский отсек.

– Студент решил обмануть своего учителя. Своего партнера. Решил сам бабульки потратить, а что он сделал? Передал двум олухам ящик с микросхемами? Поговорил с ними за жизнь? Да потом еще и убил! И он хочет за это хулиганство денег! И много денег хочет за это хулиганство! Он хочет за это шесть миллионов долларов! Ай, как нехорошо! Такая работа не стоит таких денег! Нет, не стоит!

– Профессор! – Решился прервать его Смит. Настроение у него было хуже некуда, однако, чего – то подобного он и ожидал. Не может быть так, чтобы все было хорошо. Судьба была к нему несправедлива, несправедлива пожизненно, и он уже давно носил на своем лице характерное для таких людей выражение. Чуть отстраненное, чуть оскорбленное, чуть надменное. У него не было жгучей зависти к тем, кто обладал деньгами, нет.

Просто постоянное ощущение несправедливости заменяло ему эту зависть. Ему казалось, что каждая мелочь, укладываясь в цепочку взаимосвязанных событий, вела к неиз-

бежным неудачам. Вот и борода профессора.

Если бы он ее не сбрил, то Смит понял бы, что Челленджер за ним присматривает, и не сел бы в это такси, сел бы в другое и, может быть, все было бы иначе.

– Оправдывайся! – Ухмыльнулся незнакомо голый подбородок с белозубой гримасой, надоевшей Смицу до чертиков. Смит собрал вокруг губ мелкую сетку оскорбленных морщинок.

– Это вы убили экспертов, профессор! Это вы не дали полного описания модели предпочтений! Возможно, ваш пилот прошел Пик, но не знал элементарных вещей. Он не знал, что несимметричная аэродинамика ведет к срыву траектории!

– Не знал! – Захохотал Челленджер.

– Это правда! База векторов была неполной! Но, знаете, молодой человек, что в создании этого пилота-идиота было самым трудным? – Профессор выехал на трафаретный участок дороги и бросил штурвал.

Трафарет для наземников – это участок дороги с принудительным торможением. Под асфальтом с определенным интервалом были установлены мощные катушки индуктивности. Чем выше скорость болида, тем больший ток в этих катушках они возбуждали.

Любители превышать скорость вязли в этих полях как мухи в меде, однако, двигаться с разрешенной скоростью катушки не мешали. Профессор переключил управление на

бортовой компьютер и почти не рисковал, поскольку скорости участников движения были одинаковыми. Штатному пилоту десятого порядка достоверности прогноза хватало для того, чтобы вести автомобиль.

– В научном отделе Комитета сидят одни идиоты! – Вещал профессор.

– Они просто не понимают, что такое тридцатый порядок достоверности!

– Они считают, что, если экспертная система, или нейросеть, слепленная из навыков таксиста в состоянии прогнозировать до десятого порядка, то для тридцатого нужна всего лишь модель предпочтений его обеспечивающая. Чуть более сложная, чуть более полная, но все – таки, та – же модель.

– Скажите мне, молодой человек, с какой скоростью вот тот урод на Феррари поедет после того как трафарет перестанет цепляться ему за колеса? –

Смит с видом оскорбленной невинности пожал плечами.

– Сто восемьдесят... Двести, если не прыгнет...

– Он перешел бы на сверхзвук! – Рывкнул профессор.

– Если бы за трафаретом был трамплин, он обязательно перешел бы на сверхзвук! Вот тот, на, новой Тойоте, идет без вязкости! Идет на одном поле! Он, скорее всего даже выключил двигатель! Он экономит! Он идет на средства Комитета. А все для чего? А все для того, чтобы не поцарапать лак! Эта машина последняя в его жизни! Ему больше пятидесяти и никто не даст ему новых кредитов на то, чтобы приобрести,

что ни будь более солидное! Но, кто об этом знает, Смит? Кто? – Смит отвернулся к окну. За тонированным стеклом мелькали дома. Переплетения автотрасс. Путаница пешеходных уровней. Узлы и развязки дорожек для низкоскоростных электромобилей. По каждой из них катился, сбивался в буруны, водовороты, застревал в пробках и ускорялся на стремнинах однородно пестрый поток людей и авто.

Смит склонил голову на грудь. Похоже, было на то, что Город отторгал его. Это можно было почувствовать еще годы назад. Он не ощущал себя здесь своим. Здесь нужно быть акулой. Бойцом. А он скорее шахматист. Логик, причем не очень одаренный. И эта вечная гордыня... Заставляющая пройти мимо оброненной монетки. Отказаться от высокооплачиваемой работы потому, что она была бы не очень престижной и не давала ему ощущения своей значительности.

Смит привык, постоянно находится в ожидании успеха. Это было его обычным состоянием. Успех был всегда, где то чуть-чуть впереди. И как этот успех наступал, Смит начинал чувствовать себя неуютно. Он плохо спал. В попытке его закрепить делал кучу ошибок, и разозленная Судьба тащила его если не на дно, то на ту одну из самых низких ступенек с которой видно, что следующая ступенька – вверх.

– Ты что? Уснул?! – Профессор снял шлем и теперь смотрел через стекло, разделяющее салон. Смит не ответил. Он почти обрел то состояние души, к которому привык. Он уже понял, что Челленджер вытрясет из него эти деньги. Но ни-

чего более страшного – случится, уже не могло.

Просто он вернется опять туда откуда видно, что впереди успех.

– Так вот! – Продолжал излияния Челленджер.

– Никакая модель не сможет спрогнозировать поведение этих придурков на дороге, если не будет рождена, воспитана, выучена самой их популяцией! Она должна быть одним из них и никак иначе! Причем, она должна быть одним из них всегда! Меняется мода. Меняются мощности, скорости, маневренность! Никакая статичная модель не сможет дать прогнозов тридцатого порядка достоверности. Никакая электроника не сможет прогнозировать хаос! Это сможет лишь человек! Его интуиция, его ощущение дороги, его знание характеров, его модель предпочтений! – Профессор постучал себя по кучерявому виску детским пальчиком.

Голый подбородок ему явно не шел, борода добавляла хоть какой – то солидности, социального веса. Теперь он выглядел как подросток, болеющий водянкой. Последнее заявление Смита заинтересовало. Все – таки пилот профессора Пик прошел более чем красиво.

– Профессор! – Окрикнул он своего странного оппонента.

– Так как же вы смогли перенести модель предпочтений отсюда? – Он постучал себя по лбу.

– Туда. – Кивнул на приборную панель.

– А я и не переносил! – Захрюкал Челленджер. – Самое трудное в создании пилота с тридцатым порядком достовер-

ности прогнозирования, молодой человек, – это просидеть в багажнике Мерседеса, свернувшись кренделем, как новорожденный почти сутки и выбраться потом обратно!

Профессор продолжал заливаться жизнерадостным смехом, нашаривая шлем, поскольку трафаретная зона заканчивалась через три мили, и нужно было снова переходить на ручное управление.

Он еще раз всхлипнул, вытер набежавшие слезы и влез головой в блестящую пластиковую скорлупу.

Смит молчал. В душе, что – то шевелилось. Странное, мутное, серое, скользкое, но теплое и гладкое, обещающее уже не успех, обещающее избавление.

От всего. Навсегда. Он в щекочущем сердце предчувствии запрокинул голову. Его тренированная неудачами интуиция, его замечательная модель предпочтений имела достоверность более высокую, чем пилот профессора Челленджера.

Уил Смит через прозрачный верх пассажирского отсека увидел синие вертолеты с желтыми опознавательными знаками Комитета на бортах. Они заходили аккуратным боевым строем, шевеля прицельными турелями.

Смит собрал складками лоб. Эксперты не могли работать без прикрытия. Хитрый прищур Тимоти. – Поздравляю! – Этот дружеский удар в плечо.

Смит вывернул локоть, и прищурился на рукав. Едва заметная блеска передатчика через секунду оказалась у него

на ладони. Он осторожно взял его двумя пальцами и поднес к глазам.

Наверное, в первый раз за свою длинную и бестолковую жизнь он держит в руках не только свою судьбу, и ему решать какой они будут обе.

Ему Уилу Смиту. Выбор. Он всегда сложен. Он всегда неоднозначен.

Если выбросить передатчик в окно, если прыгнуть и уйти на нижние уровни, если начать чехарду на трассе, то они наверное смогут избежать возмездия за обман, но... Второго такого шанса у него не будет.

Да! Он Уил Смит. Маленький никчемный человечек хотел достойной оплаты за свою верную службу. Если не долларами, то признанием, если не признанием, то уважением. Если... Если этого нет, то он будет мстить. Мстить как маленький никчемный человечек. Он будет прав. Он не нарушит ни единого положения Кодекса он не пойдет против общественной морали. Он просто ничего не будет делать. Ничего-го.

Уил Смит разжал пальцы и уронил передатчик на пол. Он расправил плечи и выгнул грудь. Он почувствовал себя сильным. Он почувствовал себя бойцом.

Город, всегда считавший его ничтожеством, теперь должен признать его игроком равным прочим потому, что в миллионе проигранных им Уилом Смитом партий за место под этим закопченным солнцем будет хотя бы одна, сведен-

ная вничью.

Он даже успел улыбнуться вертолетам, когда с индукторов магнитных пушек, прилепленных под их короткими крыльшками, слаженно сорвались струи раскаленной до миллионов градусов плазмы.

Поучительная история о жизни и смерти мадам Мерсье

– Джонатан! Чтоб ты издох! Ты жрать будешь или нет?! Я что тебя до полуночи буду дожидаться?! Иди! Все уже на столе! – Мадам Мерсье пятидесяти лет от роду, дородная до невозможности, с ногами – тумбами, необъятной грудью и поясницей на всякий случай подвязанной шерстяным шарфом, пыхла дешевой сигаретой и отчаянно гремела посудой, пытаясь всячески привлечь внимание неблагодарной своей половины. Она приготовила гуляш и хороший китайский рис, который уже набрал необходимое количество объема и теперь попыхивал в скороварке уютным парком. Она бросила в мойку очередную тарелку и с вызовом посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Пес... – сорвалось с полных губ.

– Облезлый шелудивый пес... Ни словечка, ведь за сегодня не сказал. – Она бы давно поднялась по лестнице сама, и, открыв на распашку двери, встала бы в дверном проеме, оперев в бока толстые руки, но с каждым разом ей станови-

лось делать это все тяжелее. Годы уже не те. Да и здоровье, и разумеется виноват во всем этот малохолный. Мадам Мерсье переложила тлеющую сигарету в другой уголок рта и снова повернулась к лестнице.

– Алкоголик! Тварь! Тебе, что? Со мной уже и поговорить в обиду?! Нет! Вы только посмотрите на него! Он думает, что он принес в дом свои паршивые три сотни баксов, и уже может не обращать внимания на свою жену?! Я что? Мало тебя обихаживаю? А?! Урод? – Мадам Мерсье приложила к уху ладонь лодочкой и прислушалась к возможной реакции за дверью. Там было тихо. Тихо совсем. Ни вдоха, ни крика, ни обычного невнятного сетования по поводу зря отданных лет жизни.

Она громыхнула большой сковородой в которой готовился гуляш о чугунную мойку. Звук получился громким и достаточно раздраженным, чтобы Джонатан все понял. Но он ничего не понял. Он не спустился и не сказал свое привычное – Добрый вечер, дорогая. – Как же он надоел со своими любезностями. И в дом входит ноги о половичок вытирает. И ботиночки всегда начищены. И пиджачок без пылинки. – Добрый вечер. Доброе утро. Добрый день. Как ваше здоровье? А детишки у вас как? Ах, дочка уже выросла? И сколько ей? Боже мой! Уже девятнадцать! Надо же, как летят годы! – Знаю, что посматривает на нее. Знаю! А эта курва, как его увидит такого чистенького, такого стройного. Даром что шестой десяток. Ни волоска с макушки не выпало. Только

седина на висках. Сразу задом и в одну сторону и в другую. Тьфу! Смотреть противно! Проститутка, да и только!

– Я этим нигтерам так и сказала – У вас дочка не человек – сучка похотливая. А мой то, кобель! Сразу грудь колесом. Локоточек в сторону оттопыривает. Улыбается так нежно и из-за своих очков толстых глазенками – зырк-зырк. Так бы ему и оторвала все, что там у него хочет!

Сигарета догорев обожгла губы хозяйки небольшого но вполне уютного домика о трех этажах, с небольшим гаражиком на две приличные машины с ровным газоном и дорожкой газонокосилкой. С печью для барбекю такой, чтобы всем на зависть большой и тоже дорогой. Сигарета догорела, чем привела владелицу неплохого Шевроле в состояние полного иступления.

Муж, похоже, игнорировал свою жену и ужинать не собирался. Она раздраженно бросила окурок в мойку наполненную на треть водой, в которую уже сползла часть жира со сковородки и они плавали радостными солнышками в мутной жиже сквозь которую можно было увидеть утонувшую тряпку для посуды.

– Эй! Там! На верхотуре! Козлам сегодня мясо на ужин! Ты слышал или нет? Кобель драный! – Мадам Мерсье привычно подбоченилась и встала напротив лестницы.

столе исходили ароматами ровными кусочками нарубленное мясо в соевом соусе. Горка риса уже была полита тем же соусом и обложена приспущенными в сливочном масле ово-

щами. Особенно хорошо у мадам Мерсье получилась сегодня морковь. Морковь вообще овощ очень благодарный. Он почти ко всем блюдам подходит и в любых гарнирах свой. Ее нужно либо нашинковать мелко или нарезать кружочками. Только не очень толстыми. Иначе чрезмерно сладкий вкус будет забивать основное блюдо.

Мадам наклонила голову на бок. Нужно было достать еще пиво из морозилки. Нельзя его передерживать. Слишком холодное пиво тоже плохо. Градусов шесть восемь по Цельсию, разумеется, больше не надо. А то будет зубы ломить. И пузырьки будут слишком язык щипать. А надо, чтобы их можно было горлом чувствовать. Пиво же всегда с горчинкой. А горечь она корнем языка чувствуется. Вот туда же надо и пузырьки засунуть, чтобы был полный комплект.

Мадам Мерсье, переваливаясь с боку на бок, побряхтывая и поругиваясь, добралась до огромного холодильника и потянула за никелированную ручку.

Холодильник открылся с легким вздохом, открывая взору аккуратно уложенные продукты питания. Морозильная камера содержала великое множество припасов. Мадам Мерсье любила готовить, и не смотря на то, что не всегда удавалось членам ее маленькой семьи съесть все, она изощрялась в кулинарном мастерстве с завидным вдохновением.

Пиво должно быть обязательно бутылочным. Обязательно из темно-коричневого стекла. Темно-зеленое все – таки пропускает ультрафиолет, и такое пиво быстро портится. Мадам

Мерсье протянула руку, и, уложив между пальцами сразу три пробки светлого «Гессера», выдернула вождеденное пиво из холодильника. Она аккуратно прикрыла дверку. Двинулась, похожая на океанский лайнер, к столу. Выставила перед остывающим ужином сразу две бутылки. Одну ловко открыла обручальным кольцом и опрокинула над собой. Пиво легко лилось в рот. Немного пенилось, и было по температуре и вкусу, именно таким как хотела мадам Мерсье. Мадам, осушив половину бутылки, устало присела на стул. Подперла жирный подбородок пухлыми, похожими на сардельки в частых перетяжках пальцами. Бутылку поставила на стол. Сдвинула в сторону. Отпотевшее доньшко оставило правильный влажный след на гладком пластике.

– Эй! Джонатан! – Ей очень хотелось сказать своему благодетелю, что ни будь еще очень обидное. Так, чтобы проняло его до печенок. До самого его... Вот именно до того самого.

– Я, твою потаскуху, сегодня с нашим соседом справа видела! Ты слышишь? Нет! Не слышишь, так я – громче скажу! – Мадам Мерсье неожиданно живо поднялась на ноги и заняла свое место перед лестницей.

– А он весь в прыщах! Но, если она с ним, то значит тебе, то кобелю уже все! – Она закудаhtала, посчитав, что сказала, что – то очень смешное и очень обидное.

– Ты слышишь?! Тебе уже пора место на кладбище приглядывать, а ты – на девок заглядываешься! Гляделка та

еще вроде как видит! А вот что ты с ней потом делать собираешься? А? Да ладно бы еще женщина была в возрасте в теле! А то пигалица! Да еще черная. От асфальта не отличить. Ты слышишь, Джонатан? Я ее, как, ни будь, на дороге в блин раскатаю! Ее же на дороге не видно! Совсем не видно! А я езжу быстро. Ты же меня знаешь! – Она колыхнула необъятной грудью, решив, что вторая шутка оказалась не менее удачной и колкой.

– Эй! Кобель! А хочешь, я тебе расскажу – почему у ниггеров ладони белые? – мадам Мерсье промочила пересохшее горло остатками пива из бутылки и лихо размахнувшись, отправила ее в большую коробку из под телевизора, наполовину заполненную мусором и отходами пищи. Она вытерла тыльной стороной ладони мокрые губы и взяла на тон выше.

– А это их господь бог, чтобы от нормальных людей отличать к стенке поставил! Ты слышишь? И выкрасил потом! Вот у них задницы черные, а ладони белые! Белые потому что к стене были! Ух-ха... – За дверью по – прежнему было тихо. Это казалось более чем странным потому, что ее благодетельный два часа назад туда со службы прошествовал. Он всегда так делает. Со службы приходит и сразу к себе в кабинет. Работа у него с бумагами. Всегда с бумагами.

Мадам Мерсье не особо вдавалась в подробности служебных обязанностей мужа, но видела у него исключительно бумаги. С печатями и без них. С подписями и, простые, с текстом с рукописным, и отпечатанным на машинке. Она, нако-

нец, решившись, поднялась на одну ступеньку вверх.

– А черные задницы, я знаю, тебе нравятся больше чем белые! Моя, то задница, тебя давно уже перестала устраивать! Я забыла уже, когда ты в последний раз на меня как на бабу и смотрел! Все на эту чернозадую заглядываешься. Может быть ты и сейчас на нее смотришь? А? Жарынь на улице. Может она на заднем дворе загорает в этом... – мадам Мерсье уже всерьез тревожась за свой ужин, поднялась еще на ступеньку вверх. Она делала это в последний раз, наверное, с неделю назад. Да именно неделю назад, когда приходила консьержка убираться на втором этаже. Надо же было присмотреть, чтобы все сделала как надо. Чтобы и простыни были расстелены без складок, и чтобы не утащила чего. Есть же тариф компании, так нет! Захотелось ей за окна дополнительно получить! Ну и что их в контракте нет? Они же грязные! И что мыть не надо? – Шестая ступень. Всего двенадцать. По количеству лет, которые она с Джонатаном живет. Раньше по сто раз в день наверх бегала, а теперь уже тяжело. Отдышка, давление и все такое прочее.

– Ну, что? Кобелина! Насмотрелся на свою кралю? Она же специально для тебя открытый купальник одевает. Чтобы ты ее ягодицы видел! И кто только их придумал эти открытые купальники? Мужик придумал не иначе! Ни одной женщине это в голову не придет! Всем свой зад показывать! Ты меня понял?! Джонатан! Этот изобретатель купальников был таким же кобелиной как ты! Может уже и издох от своей

выдумки! Наверняка издох! И ты издохнешь! Уф-ф-ф...

Восьмая ступенька далась уже с трудом. Мадам Мерсье сделала передышку. Держась за поручень, вдохнула несколько раз и выдохнула. Однако, испорченный ужин, который, уже потерял вкус, заставлял двигаться ее дальше. Качнувшись вперед, она за один раз преодолела все оставшиеся четыре ступеньки. Отдуваясь, встала у двери.

– Я же тебе зверю пива выставила! Оно же нагрелось уже! Как тебе только псу не стыдно? А?! – Она прижалась ухом к дверям. Осторожно постучала в дубовую филенку. Дверь была добротной, но звук пропускала превосходно. Она это знала. Однажды проверила сама, оставив магнитофон на кухне и поднявшись в кабинет мужа. Слышно было замечательно.

– Ты же, кобель, все годы мои молодые псу под хвост отправил! Говорила мне мама за тебя козла замуж не выходить! Нет! Не послушалась! – Она в сердцах ударила кулаком в дверь. Обычно запертая она легко отворилась. Без скрипа. Хорошая дверь. Правильная. Мадам Мерсье переступила порог и остановилась в нерешительности.

Полумрак кабинета с затянутыми плотной тканью окнами заставил ее долго моргать слезящимися глазами после яркого солнца просторной кухни с большими окнами. Мадам Мерсье, привыкнув к темноте, окинула взором слева направо небольшой кабинет, потом справа налево. Мужа нигде не было.

Она прошла кабинет насквозь и отодвинула край занавески.

веси. Соседи действительно загорали. Жаркое калифорнийское солнышко хорошо припекало и очень многие, как и эти ниггеры прибились к воде. Соседи недавно построили шикарный бассейн, и по этому случаю мадам Мерсье даже проболела несколько дней.

Ей хотелось такой же. Нет! Ей хотелось лучше! В два! Нет в три раза больше! Как раз в оставшуюся площадь их участка. Загорать и купаться в нем она не собралась, но у людей – же есть! У ниггеров этих есть, а у них нормальных людей нет. Разве это справедливо? Она прижалась носом к стеклу, расплющив его в блин. Моргнула раз, другой глазами высматривая в рядах шезлонгов девятнадцатилетнюю соперницу.

Она действительно была там. В окружении своих братьев. Родители, почему то отсутствовали. Шезлонг был разложен почти горизонтально и стоял так, что купальника «стринг» практически не было видно. Девушка казалась голой. Мадам Мерсье привычно скривила губы в гримасе презрения.

– Ах ты, кобелина проклятый! Я так ведь и знала! Я так и знала, что ты на нее пялился! Наверное, еще и в окошко к ней сиганул! Да чтоб тебя громом разбило! Да чтоб тебе всю оставшуюся жизнь только шелудивых шавок трахать!

Она сложила в страстной молитве толстые ладони и подняла глаза в потолок.

– Господи! Да как же это? Да неужели ты не видишь?

– В чистом голубом небе раздался одинокий раскат грома. В кабинете полыхнуло синими молниями, и в воздухе по-

явился отчетливый привкус озона и серы. За спиной мадам Мерсье, что – то отчетливо упало на пол. Она резво обернулась, в страхе прижав руки к груди.

– Джонатан? – Она тревожно осмотрела комнату еще раз. Из-за большого письменного стола, заваленного бумагами, доносились странные звуки. Она подошла ближе. Вытянув шею, заглянула в просвет между полкой и столом.

Там выпутываясь из домашнего костюма Джонатана, ворчал огромный черный пес. Он стряхнул, наконец, с шеи брючный ремень. Встал на четыре лапы и деловито отряхнулся. Моргнул желтыми глазами и уставился на посетительницу.

Издав короткий рык и задрожал брыльями, обнажая крепкие желтые клыки. Что – то очень знакомое почудилось мадам Мерсье в облике этого зверя. Что – то поразительно знакомое.

– Джонатан?! – Обида. Страшная обида поднялась со дна ее, в общем -то светлой, но какой то странной души.

Теперь ее муж действительно сможет изменять ей с кем захочет и когда захочет.

Она нашарила на столе толстый том юридической энциклопедии и замахнулась на поджарого, крепкого в легких седых подпалинах пса.

– Ах ты, с-скотина! – Джонатан, теперь не обремененный никакими нормами морали с облегчением вздохнул, присел перед прыжком на задние лапы и плотоядно обнажил зуба-

стую пасть, целясь клыками в горло мадам Мерсье.

**Одна правда, на двоих
(Реприза из повести «Следы на песке»)**

– Аната ха ронин шимасу? – Ты ронин? – У меня было много битв. Я понимал язык воинов красного солнца. Я поклонился ему, прижав к груди кулак.

Никому не понять, как живет и чем живет Хартланд. У меня не было господина, но я не терял чести. У меня была тропа. И, как это ему объяснить? У нас разные правды.

– Ши хаджи десу – Я самурай. – Да, уж. Мой господин велик и я предан ему. Иногда бывает так, что мы ссоримся, и не понимаем друг друга. Очень часто мне хочется послать его ко всем чертям, но мы неразделимы. Неразделимы, как воздух и крылья в полете бабочки.

Этот офицер не стал, драться со мной на мечах, если бы я не был равен ему. Он просто пристрелил бы меня и все. На столь большой дистанции, не смотря на все свои навыки, мне нечего было ему противопоставить. Ничего кроме чести.

– Анатано масука дехаро дезука? – Кто твой господин? – О, боги! Неужели он думает, что поймет меня? Хотя тропа и путь – это очень схожие понятия. Можно было попробовать. Воевать и побеждать можно не только оружием, но и искусным диалогом. Мне нужно было, чтобы он просто не

потянулся к кобуре с пистолетом.

Меня несколько напрягало, то, что боевой офицер, увидев в этом кровавом месиве, солдата в панцире и остроконечном шлеме, никак на это не реагировал. Хотя, кто там разберет, на самом деле, что у нас в голове? Он, наверное, не удивился, даже если бы я надел скомороший костюм с бубенчиками, но, мне нужно было выжить. Уже в который раз, и я очень старался.

Путь самурая в ментальности этого офицера – понятие весьма уважаемое. Есть самураи, которые имеют право сами выбирать себе хозяина. Их судьба – это путь чести, которому они следуют. Таких самураев не слишком любят, потому, что если их хозяин сам нарушит кодекс, самурай имеет право прикончить его и начать поиски более достойного господина заново. Но, уважать – уважают. На, уважение и поединок я имел право.

– Ши ха мейо до ноу араку, сеншу. – Я иду путем чести, воин. – Офицер склонил голову, прижав кулак правой руки к своим орденам. По-моему, он был капитаном, если судить по его знакам на погонах. Хотя, мне было все равно кто он. Он пришел на земли Хартленда, как ходили многие, и отнюдь не с дорогими дарами.

– Я хочу попросить тебя об одолжении, солдат. – Я слушал его краем уха, косил взглядом, осматривая место для поединка. Отводить взгляд и улыбаться было бы для моего противника оскорблением, и я старался не показывать, того,

что я уже начал планировать бой. Если бы я его оскорбил, то он начал бы меня атаковать немедленно.

Площадка, на которой мы неожиданно возникли друг перед другом, была совсем небольшой. На длительный поединок, который мечники называют журавлиным, не было места. У меня всего было пара шагов на атаку и те же два шага на отступление. Значит в запасе у меня три четыре удара – не больше, если не меньше. Одна атака и всего две блокировки атаки противника. На весь бой полторы две секунды. По другому – никак.

Если он мастер «будо», то его катана, которая длиннее моего клинка на целую ладонь располовинит меня с одного удара. Катана – не боевой меч, он предназначен для выяснений отношений в быту, но это мало, что меняло. Мои доспехи слишком тяжелы для того, чтобы реагировать на атаки подобного рода.

Атаки мастера будо молниеносны и, в общем, ничем не отличались от пули, которую офицер мог загнать мне в лоб, если бы воспользовался пистолетом. Хотя, на то, чтобы достать его из кобуры, расстегнув при этом крючок, поднять и направить в мою глупую голову, тоже было нужно время.

Я вытащил из-за спины клинок и, взяв двумя руками, направил своему противнику в лицо. Разумеется, полуприсед и левая нога чуть вперед. Прямые ноги в бою как ходули. Не гнутся вовсе, и ты теряешь драгоценные мгновения на перестройство боя.

– Я хочу попросить тебя об одолжении, солдат! – Офицер плавно вытащил свой меч из ножен. Перекинул перевязь через голову и отбросил полированную в чернь деревяшку в сторону. Это означало, что он готовится к смерти.

– Черт бы вас всех побрал! Что же вам не умирается на своей земле?! – Я разозлился, хотя для боя это было опасно. Любые эмоции в поединке губительны. Нельзя сострадать, любить, ненавидеть, щадить. Стоит поединку коснуться твоего сердца, и ты уже проиграл. Пока ты решаешь моральную задачу, тебя успеют настругать тонкими ломтиками и подать с хорошо прожаренными овощами на обед. Я глубоко вздохнул и опустил клинок, все-таки направив его в грудь офицера. Это означало, что я готов выслушать его и не более.

– Аната га катсу тсута баай! Ши но тоу кириотосу! – Отруби мне голову, если победишь. – Вот так-так. Теперь я стал еще и его ближайшим другом. При тяжелом ранении, отрубить голову позволялось только ближайшему соратнику. Я покрутил шейей, вполне крепко державшую мою голову на уставших плечах. Вот уж нет. Мечник без головы – это позор и бесчестие. В Хартланде головы рубят казнокрадам и разбойникам, и не мечом, а топором для разделки свиней. Я об этом просить не стану. Никогда и ни у кого. Я пристально посмотрел ему в глаза. Он устал жить. Я увидел это. Его правда оказалась слабее правды Хартленда, и он уже сдался.

– Маа! – Хорошо – Пусть умрет с честью. Со своей честью, если он так решил. Кроме всего прочего он не мастер

будо, если выбросил ножны. Мастера этого стиля успевают изрубить тебя на куски, и снова вернуть меч в ножны пока ты только соображаешь – собирается ли он атаковать. Хотя, вряд ли бы они пошли в действующую армию. Их мастерство давно стало искусством и редко применялось в реальном бою. Мне везло. Пока везло.

Он поднял свой меч над головой и выставил правую ногу вперед. У меня округлились глаза. – Он, что? Дурак? – Он дрался как средневековый самурай, затянутый в жесткие кожаные доспехи. Я не знаю, кто и чему его учил, но его удар сверху остановит мой панцирь, даже, если пробьет его. Мундир с золотыми пуговицами доспехами вовсе не был. Он об этом забыл? Я опустил меч, на ладонь ниже, провоцируя его на атаку, и вдруг увидел в его глазах слезы. Он сдавался. Он хотел погибнуть в бою, как предписывал его кодекс. Я сжал зубы, едва сдерживая гнев. Мне стало стыдно за него. Стыдно до зубовного скрежета.

– Поэтому, вы будете умирать на нашей земле всегда! Вы не умеете побеждать! – Я даже не знаю – выкрикнул я это и подумал. Он вяло опустил свой меч, пытаясь рассечь мне шею справа. Я легко отбил его атаку. Сделал приставной шаг вперед, и расчетливо крутнувшись на левой пятке отсек ему голову. Его тело обмякло и выпустило из рук меч. Встало передо мной на колени и упало ничком. Голова покатилась в сторону как набитый овечьей шерстью мяч. Я подошел ближе и рассмотрел на его упокоенном лице сквозь грязь и кровь

черты совсем молодого человека. Юношу, которого бросили в бой командиры.

– Да, кто же вы? – Билось в голове – Зачем?! Ради чего?! – В последний миг своей жизни, на последнем шаге своей тропы этот мальчик, что-то понял, и был достоин почестей.

Я открыл клапан кармана его кителя. Вытащил две монеты с квадратным отверстием посередине. Взял голову с робкой улыбкой на лице, и приложил ее к телу. Положил монеты на глаза.

– Ты пал с честью, и Диана придет за тобой. – У меня не было времени хоронить его по обычаям Хартленда. Я не знал – похоронят ли его свои. По-моему воины красного солнца не предавали земле павших. Они сжигали их тела и рассеивали прах над водой.

Я искал Железного Всадника на этом изрытом воронками поле, забитом как селедками в косяке сожженными остовами танков, на гусеницах которых висели, чьи-то внутренности. Я не мог отсюда уйти в тени для того, чтобы найти его по течению ручья своей крови. Именно здесь он в очередной раз мог остановиться и не найти свое русло уже никогда. Я помнил обеты, данные ему, перед тем как его сухое тело унесла на серую пустошь Диана, и должен был их исполнить. Что-то именно на этом изломе старых троп пусть и чужих было утеряно, и мне нужно было это найти.

Меня не касалась эта битва. Но, робкая почти счастливая улыбка на лице этого мальчика с мечом все-таки пробилась

доспехи мечника. Мне было больно. Больно настолько, что я неожиданно для себя упал на колени. Его слезы почему-то стали моими и это было не исправить. Никак. Я осмотрелся сквозь пелену застилавшую взгляд. Сумерки. Яркие лучи заходящего солнца. Время охоты снайперов. Виден каждый блик оптики. Любой значок на кителе или звездочка на фуражке. Каждый огонек окурка во рту зазевавшегося солдата.

Острый щелчок. Похожий на звук сломанной ветки сбросил с головы шлем. Я упал ничком. Мои доспехи были более чем привлекательными для метких стрелков с обеих сторон. Я был на нейтральной полосе. Все что могло шевелиться – должно быть уничтожено, а я сиял своей броней как елка под новый год. Не хватало еще, если по моим «игрушкам» начнут бить из пулеметов. Хотя, до гнезд укреплений было далеко. Да и сам я был не слишком похож, на что-то чрезмерно опасное.

Я дополз до воронки, заполненной почти до краев жидкой грязью, и утопил себя в ней до подбородка. Вытянулся в струну через отвал глины и ухватил за кольчужный обвес свой шлем. Да. Дыра в нем была приличная. На пару пальцев вниз и проводнику уже нечем было бы соображать. Я выкупал свою бесполезную на этом поле железку в черном глиняном месиве, и натянул на голову. Где ни-будь она мне еще понадобится, а таскать ее подмышкой было весьма затруднительно.

Я дышал горечью битвы и гнал наивный взгляд своего

противника из головы. Если он был мастером, было бы проще. Воин служит. Он заранее кладет на алтарь своей правды и свою жизнь, и свою судьбу.

Он имеет право пасть, но не имеет права предать. Хотя, это была моя правда, не его. Вот они и сошлись в бою две правды. Вот это и был настоящий поединок. Настоящая битва правд в моей голове, сердце, душе или кто чем и что это называет. Все, что могло меня спасти – это то, что он взял в руки оружие.

Но, это почему-то не работало. Я понял, что он взял его специально для того, чтобы я отсек ему голову. На этой мысли, я вообще перестал, что-либо понимать.

В голове полыхало только одно – я убил ребенка. Да, я опытнее и старше его на жизни и столетия. Я мог бы ранить его, но он не захотел бесчестия.

Имел ли он право сам решать, что для него бесчестно? Боевые раны ни в одном пределе не считались бесчестием. Я заскрежетал зубами. Я вдруг понял, что он решил сделать то же самое, что делаю я. Пытаюсь сделать это все свои жизни, и делаю сейчас.

о сказала, что война будет последней для Терры. Пройдут тысячи лет, и все начнется снова. В грудь постепенно стало протекать ледяное спокойствие и ощущение того, что он сделал все правильно и сделал все что смог. Война идет, шла, и будет идти не на поле битвы, а именно внутри каждого кто еще живет и дышит воздухом Терры. На последнем

шаге своей тропы прозревает каждый и мироздание не делает исключений.

– Мир тебе, где бы ты ни был, мальчик, я запомню твои следы. – Я произнес это вслух, и это не было оправданием. Это было признанием его равным себе.

Может быть, в других жизнях и мирах мы бы отчаянно ругались за бутылкой его сакэ о том, кто красивее. Девы его предела или моего. И даже с удовольствием набили друг друга физиономии, если бы никто не уступил.

И после этого снова бы выпили еще одну тыкву. И не одну. А потом, распевая песни, каждый на своем языке признались друг другу в том, что девы – это девы, их разум нашему недоступен, и что их красота в наших глазах, а не в том у кого длиннее волосы или больше грудь.

Мы бы нашли правду. Одну на двоих. Но как ее найти для всех?

Это был еще тот вопрос, и, наверное, я все-таки сварю свои мозги, в отчаянных попытках решить эту проблему.

Вы бессмертны?

(Реприза из повести «Следы на песке»)

Стило привычно заскользило по шершавой бараньей коже, выстраивая ряды латников с каплевидными щитами. Плотнo сбитые лавы тяжелых всадников в остроконечных шлемах. Широкое поле и шеренги тех, кто снова пришел на земли Хартленда.

Правда Хартленда родилась на этом поле. Здесь были сказаны самые важные слова и сделано самое важное. Здесь с груди великого воина мне нужно было взять с собой лик учителя в терновом венце и золотым сиянием вокруг головы вместо боевого шлема.

Снега вокруг меня, высокие безмолвные мертвенно прекрасные скалы разлились желтым бесконечным ковыльным полем. Подул прохладный осенний ветер. Я услышал храп коней и тонкий звон стали в кольчугах и мечах.

Получилось. Мне оставалось добавить в углу пару языков пламени для, того, чтобы я смог вернуться обратно, и как только я дорисовал последнюю искру – серое тяжелое небо накрыло меня с головой. Я встал на пошатывающихся ногах за крупами лошадей первой лавы тяжелых всадников, и глубоко вдохнул влажную изморозь поздней осени.

Ни мои доспехи, ни мое оружие не годились для ратного боя. Не смотря на то, что я был мечником, мой клинок был слишком короток для того, чтобы биться пешим или конным. Тем более, мне не нужно было побеждать в этой битве. Это была битва Хартленда. У меня была своя.

Я встряхнул плечами, проверяя – хорошо ли лежит на плечах панцирь. Расслоил свой клинок на два сияющих жадных лезвия и сделал несколько взмахов. Я давно не бился двумя мечами, очень давно. Нужно было дать телу вспомнить – как это делается.

В расчетах мечников я был не строевым воином. Я был «лыкарем». Я не носил щита, потому, что бился в толпе в одиночку, и он больше мешал, чем помогал. Я бился, как правило, сразу с двумя или тремя противниками, хотя, если научился биться с тремя – дальше количество уже не имело значения.

Нужно было просто не упасть, поэтому самой страшной раной, которую мне могли нанести – это были раны в ноги.

Если я бился в сече, то в мои задачи входило уничтожение «оральщиков». Мои навыки были слишком ценными для того чтобы тратить их на пехоту или всадников.

Для этого были «копейщики» и «рубщики».

Оральщики поднимали в атаку тех, кто струсил, побежал, или потерялся в горячке сечи. Оральщики не шли в первых шеренгах, поэтому, мне всегда приходилось пробиваться через щиты мечи и копья для того, чтобы добраться до того, кто поднимал их в бой снова.

Тяжело ранив оральщика или убив его, я выводил из строя сразу трех – пятерых воинов противника.

Не понимая своих целей и задач, они теряли свою боевую значимость. Останавливались и почти всегда бежали к бунчукам – конским хвостам, поднятым на высокие пики для того, чтобы их было видно издалека.

Потерявшие оральщика, ломали строй, рассеивали шеренги, создавали хаос и неразбериху. Теряя боевой дух, они часто тащили за собой к бунчукам еще нескольких, а то и

десятки тех, кто считал, что битва уже проиграна.

Самое мощное оружие в сече – это страх и паника. Я и был тем, кого учили создавать эту панику и страх.

Но, для лыкаря самым важным качеством и навыком была не сила натиск или воля. Лыкарей учили «спать» в сече. Ни думать, ни анализировать, ни строить тактику боя мозг в таком режиме был не в состоянии. Он просто не успевал этого делать. Нужно было уснуть, рассеять взгляд для того, чтобы видеть не того кто перед тобой, а сразу всех. Каждую искру клинка, каждый наконечник копья, каждый взгляд, каждую каплю страха или ярости. Тело нужно было «отпустить», и сделать бой иллюзорным. Ненастоящим. Для того, чтобы оно отрабатывало приемы атаки и защиты само. Мгновенно. Без колебаний и размышлений. На звук. На крик. На шум или шелест травы. Нужно было уметь скользить сквозь клинки, и наконечники, пробираясь как змея все ближе и ближе к оральщику, и заставить его замолчать. Для мечника с его моралью воина это часто было невозможным.

Нужно было уходить в ментальность зверя и для того, чтобы «взять» все поле боя целиком и сохранять дыхание в рубке двумя мечами, мы опускали взгляд и дышали горлом, издавая негромкий звероподобный рык.

О нас знали и нас боялись. О нас ходили легенды, и это помогало выполнять свою задачу.

Увидев лыкаря, с замутненным взглядом, с двумя меча-

ми, сверкающими как молнии, рычащего, на выдохе и шипящего при вдохе, многие бежали.

Просить лыкаря о пощаде, пытаться сдаться ему в плен, было бессмысленно. Становясь лыкарем, мечник не воспринимал противника как воина. Он преодолевал препятствие, внезапно возникшее на его пути и только. Реагировал мгновенно, и не оставлял за своей спиной тех, кто был способен нанести ему какой бы то ни было урон. Он не понимал слов, выделяя из них лишь интонации, определяя по тембру вогласа угрозу для своей жизни. Лыкарь не чувствовал боли и даже не понимал, кто и что ему говорит. Он сам становился оружием. Камнем, выпущенным из катапульты, оставлявшим за собой изрубленные тела, и останавливался для принятия нового решения только тогда, когда оральщик переставал существовать как боевая единица.

Мне еще рано было уходить в зверя. Я разогрел тело несколькими взмахами и поворотами. Сеча начнется позже. Тогда и наступи мое время. Я смотрел на тяжелое серое небо и ждал.

– Сенезен арада ким лексе чем?! – Прокричал громкий голос издали. Я знал язык степняков и понял, что сейчас выйдут поединщики. Редко, но бывало так, что на этом сечи заканчивались. Но не в этот раз. Я знал, что нарисовал на своем пергаменте.

– Алле куркудан аллеме Пересвет?! – Они смеялись над

воинами Хартленда. Числом они превосходили войско князя Дмитрия втрое, но это не особо им поможет.

– Неужели Пересвет умер от страха?! – Потешался кто-то из них громогласно.

– Челубей привезет на копье его голову!!! – Я присел несколько раз, разогревая ноги. Скоро солнце закроет стрелами, и для меня, не имеющего щита – это было более чем опасно.

Степняки имели преимущество в скорости перемещения, в перестроении лав. В дальнем бою, потому, что знали о луках и стрелах все, что только можно было о них знать. Их луки били сильно и очень далеко. Наконечники стрел, каждый из которых был снабжен закаленной острой иглой, легко пробивали и кольчуги латы. Но именно по той – же причине туго вязли в древесине щитов, обтянутых воловьей кожей. Их всадники были быстрыми, но доспехи очень легкими. Чаще всего – лишь одна латная круглая пластина прикрывала грудь. Из доспехов был только шлем. Вооружение состояло из широкого кривого легкого меча и небольшого круглого щита. В конной сече лавы начинали биться мечами только тогда, когда лошади вязли в противнике и теряли скорость.

Всадники Хартленда были гораздо тяжелее степных и пробивали их строй, словно тараном, уходили вглубь войска. Сбивали степняков с ног настолько легко, словно они были вырезаны из дерева. Тяжелые широкие булатные мечи, острые как бритва, разрубали всадника иногда до седла. Прав-

да степняки легким оружием успевали наносить больше ран, хотя и менее смертельных. За лавами шла пехота с копьями и мечами. Вначале шли копейщики, сбивая оставшихся всадников с седел. Потом рубщики вступали в бой с пехотой степняков.

Рубщики бились, молча, с натягом, сильно и мощно вырубая степняков, словно молотили зерно. Степняки кричали, визжали. Подбадривая друг друга криками и взмахами. Степняки были очень сильны в первом ударе конной лавой, но в длительном тактическом противостоянии у них не было, ни единого шанса. Если только они не имели кратного численного преимущества в пехоте. Преимущества дисциплинированного и строевого, слаженного и послушного. Вот для того, чтобы свести это преимущество на нет и нужны были мы – лыкари.

– Эй! Пересвет, выходит на бой! – С хохотом закричали со стороны воска Дмитрия.

– Челубей кача алмады? – Челубей не сбежал?!!

А я думал – Только не в ноги. Ад начнется совсем скоро. Лавы двинутся сразу за Пересветом. Это позволит всадникам выйти из-под удара стрел. Все достанется пехоте. Но у них есть щиты.

– Охти мне... – Я не мог бежать за конной лавой. Закованные в броню лошади сомнут меня в одно мгновение. Мне нужно было идти с копейщиками. Это был лучший из способов выжить, и суметь сделать то, что нужно. Я посмотрел на

кольчужный обвес на бедрах. Бесполезно. Они прикрывали всего лишь их треть.

Оставалось последнее – уйти в зверя и сработать на волчке. Волчок это круговой бой. Это когда угроза жизни идет отовсюду. Стрелы были тем же самым. Только сектор обороны перемещался вверх. Степняки не имели пеших лучников, и запас стрел был не велик. Всего один колчан из тридцати стрел у каждого. Выстрелы из седла на дальние расстояния не давали большого эффекта, потому, что нужна была, прежде всего, не точность стрельбы, а высокая плотность залпа. Высокую плотность могли дать только пешие лучники, стоящие плечом к плечу. Это несколько увеличивало мои шансы на выживание.

В уши пробился тягучий, похожий на звук множества струн звук. Это запели тетивы тысяч луков. Пора. У меня оставалось всего несколько секунд. Я наклонился немного вперед. Поднял скрещенные мечи и глубоко грудью, до самого живота зарычал. Ковыльное поле расплылось пятнами и вместо того, чтобы видеть и слышать я стал чувствовать. Каждую былинку в поле. Каждое кольцо в броне латников. Каждую стрелу над головой. На землю упала, исчерканная дробными штрихами, тень. Звук обгоняет стрелы, и я услышал их тонкий свист. Каждой в отдельности, и их было много. Кисти рук развернули клинки плашмя и раскрутили лезвия в сияющие на солнце диски.

Волчок отнимал много энергии, но мне нужно было про-

держаться всего несколько секунд. У степняков длинные стрелы, и клинок в любом случае разрубит ее, если она падает мне на голову плечи или в ноги. Даже полностью рубить древко было не обязательно. Нужно было хотя бы боковым ударом погасить ее скорость, или изменить направление полета.

Стрелы падали как ливень. Так обычно их пускают степняки. Они выпускают весь колчан без команды своих начальников, на залп и прицеливание, подряд – одну за другой. Без уплотнения пятна попадания, поэтому большая часть стрел не достигала цели.

Князь воевал иначе. Поэтому и победил. Но победить нужно было сейчас мне. Я крутил клинки над головой, и уже чувствовал, как солнце набирает былую белесую яркость. Скоро смертельный дождь закончится, и я смогу вернуть себе разум. Он был нужен мне, именно сейчас, но я поторопился. Среагировав на остывший от тонкого свиста воздух, я вышел в ментальность мечника и пропустил стрелу.

Она летела, как это обычно бывает, издалека, и никому бы не нанесла ни малейшего урона, если бы на ее пути не оказался я.

Пытаясь сообразить, как ее отбить, или убраться с траектории полета, я потратил именно то время, которое понадобилось закаленному наконечнику, для того, чтобы пробив кольчужный обвес панциря вонзиться, затрепетав красным оперением, мне в бедро.

Я знал, что вначале я не почувствую ни боли ни неудобств. Тело среагирует на рану, выбросив в кровь защищающие от боли вещества. Но, этого времени будет немного. Я знал, сколько его будет, поэтому спешил.

Конная лава Дмитрия легко смяла первые шеренги конницы Мамаю ушла далеко вглубь его построений. Мне нужны были павшие. Челубей и Пересвет пронзили щиты друг друга в отчаянном и страшном встречном ударе копьями.

Обычно, в таком поединке никто не выживал. Я быстрым скольльзящим шагом пошел через ковыльное поле к поединщикам.

Меня обгоняли копейщики, вылавливали прорвавших оборону всадников, и валили их на землю. Рубчики шли следом. Где то вспыхивали стычки. Визжали степняки. Раскручивали над головами кривые узкие мечи. Русичи бились молча. Было слышно только густое дыхание, словно от тяжелой и изнурительной работы.

Меня не интересовала сеча. Она шла настолько далеко на юге, что будь я даже первородным богом, я вряд ли смог бы повлиять на ее исход.

– Урусса улечек!!! – Завопил, кто-то истошно справа, и я скосил взгляд.

– Русский умрет!!! – Здесь, за первыми лавами тяжелой конницы было совершенно глупым обнаруживать себя, и тем более кому то противостоять. Правильным было бы пробить-

ся к ближайшему бунчуку, тем более, с тыла это было не слишком трудно. Но, возможно, воин был слишком молод и этого не понимал. Ну, что же. У Дианы всегда было много работы.

Я сложил клинки в один. Крутанул им, со свистом, рассекая морозный осенний воздух, и встал наизготовку.

Пеший воин – мечник вполне мог справиться с конным бойцом. Степняк был правой, и это означало, то, что слева от его лошади его оружие, меня просто не достанет. Тем более что для нанесения удара, ему нужно было высоко поднять или отвести щит. Путь он и не велик, но он достаточно тяжел, тем более что сеча длилась уже более часа и конь и всадник изрядно устали.

Конечно же, и я своим оружием не смогу ему нанести тяжелых ран, пока он в седле. Выбить из седла я его тоже не смогу, и это было совсем ненужным. Самым уязвимым объектом пусть и до зубов вооруженного всадника, разумеется, была его лошадь. А именно передние ноги и именно бабки.

Те, кто был умнее, и опытнее всегда бронировали их. Или, хотя бы, оборачивали пропитанным в масле многослойным войлоком.

В этом случае повредить их было сложно. Но, было похоже на то, что эта сеча у степняка была первой. Я упруго качнулся на ногах и процедил сквозь зубы

– И будет последней.

Степняк поднял свою лошадь передо мной на дыбы, по всей видимости, предлагая ей растоптать меня копытами, но он ошибся. Я сделал быстрый шаг вправо и с выдохом отсек ей левую ногу.

Конь дико заржал, сдал назад, и убиваемый тяжелой болью грузно осел на бок, подмял под себя всадника. Да. Мне хватило всего одного точного взмаха мечом, для того, чтобы выиграть бой. Я подошел к всаднику, корчившемуся от стыда и боли, потому что тяжелая лошадь придавила ему ногу и грубое седло, зажав ее в тиски, делало смертельно уязвимым. Я подошел совсем близко, и посмотрел ему в лицо. Лицо совсем непохожее на лицо человека. Да. У него было все, что нужно человеку, но самого человека в нем уже не было, и похоже было на то, что не было давно.

– Ниге сез безге килдез? – Зачем вы пришли к нам?

– Коллар артында!!! – Он бешено вращал глазами. В уголке пересохших истрескавшихся губ скопилась зеленоватая пена. Сквозь редкие испорченные зубы пробивалось дурное дыхание. Шлем с конским хвостом на шишаке откатился в сторону, и на лысой голове с желтой грязной кожей блестели бисерины пота.

– За рабами... – Я грустно улыбнулся. За рабами в Хартленд ходили все, кто воевал с ним, только никто и никогда не смог сделать мечника Хартленда рабом. Ни деву, ни ребенка. Хартленд не умел сдаваться. Может быть, поэтому он еще и жив. Тысячу лет как жив.

– Мине уте! Син жинден!!! – Он задрал голову вверх, подставляя горло для последнего удара.

– Убей меня! Ты победил! – послушно отозвалось в голове. Я понимал, что ему вскроют артерии на горле его же военачальники, когда увидят, что я убил его лошадь и он беспомощно корчится под ее тяжестью. Может быть, русичи отдадут его хану, и он станет рабом у своего же бая. Рабов у русичей не было, и он был им не нужен в любом качестве.

Я качнул головой. Русичи не убивают пленных и не добивают раненых. Я тоже не стану убивать его. На моем клинке без того достаточно крови, и я уже давно перестал понимать, в каких из поединков и был я был прав в каких – виноват.

– Юк. Сине жерзалап утерсинер. – Нет. Пусть тебя казнят свои. – У меня не возникло ни чувства жалости, ни чувства уважения к поверженному противнику. Я смотрел в его лицо и видел дурную болезнь. Болезнь, которая пожирает разум. Беспощадно, быстро и неумолимо. Весь. Без остатка.

Сотни битв, в которых я выжил, сыграли со мной злую шутку. Мне на миг показалось, что я неуязвим. Ким всегда говорил о трех «нельзя». Вколачивал в наши неразумные головы эти жесткие правила и одно из них я нарушил. Нельзя – опускать взгляд. Нельзя опускать клинок. Нельзя поворачиваться к врагу спиной, потому, что даже поверженный враг, быть врагом не перестает.

Каким-то шестым чувством. По запаху. По движению воз-

духа. По шелесту травы или звону доспехов, я понял, что меня атакуют, и успел сделать полшага вправо. Кольчужный обвес на затылке моего шлема мог остановить стрелу или скользящий удар меча, но против прямого удара тонким кинжалом в шею он был бессилён.

Если бы я не среагировал, то желтолицый воин пробил бы мне позвоночник и я бы пал как многие в этой сече. Но, среагировав на атаку, я остался жив. Мгновенно, снизу вверх. Ускоряя широким разворотом движение своего клинка, я разрубил голову нападавшего от уха до уха. Его ощеренный в диком оскале рот отделился от бешеных раскосых глаз и что-то прошептал.

– Сез улемсез? – Вы бессмертны? – Я зажал левой ладонью бьющую из раны на шее кровь и криво усмехнулся.

– Это не сложно, сугушчи, если знать как...

Припадая на пробитую стрелой ногу, я все-таки добрался до Пересвета. Он лежал рядом с опустившей голову лошадь. Его лицо было покойным и умиротворенным. Он пал. Он знал, как это будет и за, что он отдаст свою жизнь. Так как ему везло не многим. Повезет ли мне? Я с трепетом снял с его груди образок с поломанным краем. Вытер с него кровь, и положил в свою походную сумку. Вытащил пергамент и развернул его перед собой. Вдохнул дымный след оставленного на тропе к Маат пламени и, матеря, всех богов каких знал, с трудом протиснулся в исчерченную отблесками костра ночь.

Астрелла

От метро до холостяцкой «однушки» было ровно пятнадцать минут ходу. Я всегда использовал это время для того чтобы закрыть прошлый день и подготовить себя к следующему.

Мерно топал по хрупкому снегу, зарывшись носом в колючий шерстяной мамин шарф.

Мерзли уши, но шапок я не люблю и не ношу принципиально. Не знаю, почему так, но не нравится мне сооружение, на голове подбитое мехом или связанной из пестрой пряжи.

– Топ-топ-топ. Хруп-хруп-хруп.

Зам директора все-таки – скотина. Врать в глаза. Использовать как раба, а потом с такой же невинностью говорить о финансовых потерях и что я как организатор работ не сумел устроить хорошую погоду, и в результате чего компания потерпела убытки. Убытки, которые вызвали срыв сроков сдачи объекта. За срыв сроков были начислены штрафы и на премию денег просто нет.

Меня все-таки поймали.

Поймали в извращенной форме, причем настолько нежно, ласково и исподволь, что целых два месяца я этого даже не замечал.

Хотелось поиграть в Павку Корчагина. Построить узкоколейку, обдирая ногти и зарабатывая пневмонию. Орать давай и вперед! А кому давать, и в какой перед?

– Короче все... Завтра увольняюсь.

Я остановился у двери и всунул ключ в замочную скважину, из приоткрытой двери вылетел ошарашенный Матроскин, и с диким воплем, полетел по лестницам во двор.

Мне стало интересно. Я приоткрыл дверь пошире и просунул голову внутрь.

Зима и было уже темно. Фонари, ломаясь в старом тюле, причудливо фиолетово легли на стены. В квартире, почему то было холодно. Холодно и тихо. Тихо настолько, насколько тихо в пустых квартирах никогда не бывает. Всегда кто-то ругается сверху. Бренчит проезжающий рядом трамвай. Шумит вода в трубах.

Я вошел в прихожую. Тщательно вытер ботинки о коврик и включил свет. Ничего такого, чтобы могло испугать Матроскина до степени полуинфаркта, я не увидел. Все было на своих местах. Никто не рылся в шкафах или ящиках. Не вспарывал мебель в поисках наркотиков или оружия.

Только вот на диване то ли лежало скрученное одеяло, которое я забыл утром убрать. То ли под ним кто-то спал. И холодно. Я прошел в единственную жилую комнату, Повертел головой. Холодно. Надо же. Просто холодно не бывает. Я коснулся батареи и сразу отдернул пальцы. Истопники старались вовсю. Но холодно.

Я подошел к единственному окну в комнате и со вздохом отдернул тюль, так красиво оформивший мою стену в старых

выцветших обоях.

Так и есть. Кто-то запулил камнем в стекло. Причем не рукой.

Стекло было пробито словно пулей. Отверстие имело размер около сантиметра и от него бежали в разные стороны тонкие змеистые трещины.

Стеклопакет я поставил всего три дня назад и был вовсе не первым, кто сделал это в нашем доме. Интересно кому успел насолить простой инженерный работник, который и соседей то по именам не знает, поскольку появляется не так уж часто.

Даже Матроскин не всегда узнает. На период длительных командировок приходится сдавать ее тете Глаше. Единственной соседке, которую я знаю и которая по счастью от кошек без ума. Мне с ней повезло.

Я подошел к окну и засунул в дырку указательный палец. В принципе через такое отверстие может уходить какое-то количество тепла, но оно гораздо меньше форточки.

–Что за черт?!

Я проследил траекторию стрельбы. Получалось, что падали, откуда – то сверху. Причем с очень большой силой. Что-то я не припомню высотки рядом. А мысль о том, что кто-то выстрелил из рогатки шариком от подшипника с самолета – казалась еще более дикой.

Я развернулся и встал затылком к отверстию.

Пробита фанерная спинка старого стула. Пустой литровой аквариум на стопке из книг.

Сразу в голову полезли нехорошие мысли. Это могло быть снайперской пулей, потому что след упирался в кучу тряпья на диване. Могли подумать, что я спал.

Но... Я лихорадочно стал перебирать в памяти всех тех, кому мог так сильно насолить. Получалось, что мотив убийства был только у Матроскина потому, что однажды уезжая, я забыл оставить ключи тете Глаше и ему еды.

Он жрал лук в ящике, стоявшем под кухонным столом. Плакал, но жрал. Я застал его за этим занятием, и выражение его морды мне тогда не понравилось.

Был бы он человеком. Да. Мог бы, и «сadanуть» из винтореза с парашютной вышки. Про нее-то я как раз и забыл. Стоит уже лет тридцать – никому до нее дела нет кроме любителей – скалолазов. Старая ржавая. Осталась еще со времен ГТО. Тогда все хотели стать летчиками и как Чкалов перелететь через северный полюс на фанерном самолете. Я тоже хотел. Только на реактивном. Но это уже другая история.

Я присел на диван и осторожно приподнял край старого лоскутного одеяла. Тоже произведение мамы, внезапно оказавшееся последним пискom моды постельного белья.

Под ним, обняв себя за плечи, словно ей некого было больше любить, лежала полупрозрачная девушка с голубо-

ватым оттенком кожи. Красивая словно Мэрилин Монро и холодная как Снежная Королева из сказки. Она спала.

Грудь мерно поднималась и опускалась. Из рта шел парок. Длинные фиолетовые ресницы закрывали почти половину щек.

Я приподнял одеяло повыше. Она была совсем голой. Меня это скорее озадачило, чем возбудило. Ей должно быть холодно. Я положил ладонь на плечо и сразу отдернул. Мне показалось, что я прикоснулся к промерзшей железной трубе, а не к человеку из плоти и крови. Одеяло, которым она укрылась, было жестким, словно висело на морозе несколько часов.

Получалось, что она под ним не грелась, а спасала Матроскина от полного замерзания. Она поглощала тепло из воздуха квартиры. Высасывала его словно пылесос. Я полез пятерней в волосы. Чем и кем бы она ни была. Роботом. Пришельцем с другой планеты. Похоже, ей просто не хватало энергии, и если совсем отрешиться от диалектического материализма, то она проникла в квартиру именно через это отверстие в стекле или пробила его сама. Своим.... Телом?

– Была маленькой-маленькой а потом стала большой-большой?

– Дур-дом. – Произнес я членораздельно. В чудеса я уже давно не верил и все пытался найти достойное объяснение происходящему.

Кто-то из детворы мог спереть у деда охотничий карабин,

залезть на вышку и пнуть оттуда, а потом сигануть со страху в какую ни, будь щель, из которой его не выковырять уже никакими силами.

Но девушка!

У нее должны были быть как минимум ключи. Или она умеет проходить сквозь стены? Или она инопланетянка?

Я вздрогнул. Столь ненормального вторжения я себе не мог даже представить? Где автоматы, лучеметы, огромные космические корабли, солдаты со щупальцами и одним глазом под колпаком космического шлема? Что пошло не так? У них осталась только она? Я скосил глаза на диван. И все? И это все на что они способны?

Я испытал усталое разочарование. Все выглядело уже не невозможным, а просто странным.

Я прошел на кухню и включил газовую плиту. Все четыре конфорки и духовку. От плиты пахло жаром синего пламени, и я торопливо выбрался из кухни. Прошел к дивану и положил ломкое одеяло на спинку дивана.

Если девушке не хватало тепла, то одеяло только мешало ей его получать.

В принципе, если верить фантастическому бреду – она могла поглощать энергию прямо из пространства, останавливая молекулы, т.е. снижая интенсивность Броуновского движения.

Температуру то есть. Я поднял палец вверх. Надо же. Я

еще не забыл что такое Броуновское движение.

– Кошмар!

Я посмотрел на диван, девушка перевернулась на спину, и стала из почти похожей на обыкновенного человека.

Кожа приобрела молочный оттенок и перестала быть прозрачной. Ресницы, правда, остались фиолетовыми и волосы не хотели менять цвет. Остались иссинябелыми. Седыми. Какими они бывают у глубоких стариков. Но, как ни странно признаков глубокой старости в ней не наблюдалось.

По земным меркам ей было лет двадцать пять. Грудь торчала неприлично вверх и вызывала жгучее желание ее потрогать. Холостяцкая жизнь имеет свои недостатки. Я стянул с себя свитер и прикрыл голую грудь девушки.

Прошел на жаркую кухню и поставил облупленный эмалированный чайник на огонь. Из напитков был только зеленый чай – старый дракон в таблетках и растворимый кофе. Полкоробки сахара. И заскорузлый батон в хлебнице. Мне бы этого для ужина вполне хватило. Но на званый ужин походило с большой натяжкой.

Гостя чем-то надо было кормить. Я полез в холодильник и, о чудо. Там осталось три яйца и три скрюченных и замороженных сардельки, одиноко схоронившиеся в глубине морозилки.

Я с трудом отодрал их от снежной шубы морозильника и положил на клеенчатый стол.

Однако. Даже тарелок было катастрофически мало. Но

тем не менее. Через сорок минут я соорудил, что-то похожее на французский завтрак. Правда кофе был не натуральным, но тосты были на самом деле жареными и яйца вареными всмятку. Сардельки шли отдельным блюдом. И на него я рассчитывал вообще – то сам.

Две вилки. Один охотничий нож с ручкой в виде лапы волка. В общем. Все что имеем. Я установил приборы на широкую шаткую табуретку и, балансируя, пошел в гостиную. Аккуратно поставил импровизированный столик перед постелью, и за неимением прочей мебели сел прямо на коробку из-под телевизора.

Осталось ждать, когда девушка проснется и все мне объяснит.

В дверь осторожно поскреблись и жалобный голос Матроскина доказал что это не взвод инопланетных захватчиков.

Я глубоко вздохнул. Купить, что ни будь, ему поесть я забыл. Придется делить с братом меньшим то, что буду, есть сам.

Одна сарделька ему. Я сморщил нос, представляя габариты Матроскина и сардельки.

– Ничего! – Вдруг разозлился я.

– Сутки проживет.

Сарделек было три. Две я ему решил не отдавать даже под страхом смертной казни. Встал и открыл входную дверь.

Матроскин вел себя удивительно покладисто. Правда

вздыбленные усы и подрагивающий хвост выдавали насто-
роженность и жгучее желание удрать, но голод не тетка. Я
сбросил ему с тарелки сардельку. Тот с укоризной посмотрел
мне в глаза. Перехватил ее зубами поперек, словно мышшь
и протиснулся под шкаф. Там видимо ему было спокойней.
Перечить ему я не стал. Он и без того испытал сегодня силь-
нейший стресс. Пусть отдыхает.

– А как же я? – Я посмотрел на «Голубую леди», как я
ее мысленно уже окрестил и несколько грубовато потряс за
плечо.

– Девушка! Вам пора просыпаться! Вы так и не сказали,
откуда вы и где живете. Может быть, мне вызвать милицию
и они отвезут вас домой?

Леди словно не спала вовсе, распахнула глаза и устави-
лась, не мигая прямо мне в лицо. Я смутился. Так на меня
давно не смотрели. С интересом вызовом и желанием убить
одновременно.

– Я не причиню вам зла. – Устало проговорил я. И снова
сел на коробку.

– Вот то, что удалось собрать из еды. Вам надо подкре-
питься. Похоже, что вы издалека.

Она живо натянула свитер, взяла чашку и кусок жареного
хлеба. Быстро и аккуратно съела хлеб, выпила кофе, оставив
мне вожаделенные сардельки. Вдохнула и протянула мне ру-
ку в мужском жесте дружбы.

– Астрелла.

– Кирилл – улыбнулся я и пожал узкую, но крепкую ладонь. Голос ее был несколько необычным, словно говорило сразу несколько человек в огромном зале, но неприятным назвать его было нельзя.

Я почти успокоился.

Контакт третьего рода между разными разумными мирами был установлен, и мы начали общаться. Несколько не хватало фотографов и вспышек блистеров, но я это компенсировал нажатой кнопкой видео на своем мобильнике.

Для истории будет все запечатлено. Не иначе.

– Как вы здесь оказались? – Задал я вопрос искренне меня мучивший.

– Упала – Хмыкнула Астрелла, похрустывая остатками жареного хлеба. – Я передернул плечами.

– Упала. Надо же. Откуда упала? – Я невольно посмотрел вверх.

– С неба – улыбнулась Астрелла. Там дорожки узкие, можно оступиться.

– И вы оступились ... – Хмыкнул я. – С этой узкой небесной дорожки. – Я оправил клетчатую рубашку, которую обычно надевал под свитер. Она была из толстой фланели. В ней было тепло, и свитер переставал быть колючим. Правда рубашка выглядела не очень презентабельно и это меня несколько смущало.

Хотя Астрелла вообще была одета только в свитер. Я склонил голову на бок. В общем, то мы не на приеме в колонном

зале.

В голове крутились странные мысли. Рука тянулась к телефону для того чтобы вызвать сразу медиков, полицию и журналистов. Правда я так и не мог определиться, кого вызывать в первую очередь. Я отвел руку от телефона и показал на дырку в аквариуме.

– Это след от вашего... Падения?

– Ну да... – улыбнулась Астрелла. – и мне показалось, что зубов у нее гораздо больше, чем у обычного человека.

– И как вы падали. Просто свернулись клубочком? – Астрелла взяла меня за руку и с пониманием произнесла.

– Есть многое, что обычный человек понять не в силах. Только поверить. Вам остается поверить. Понять вы все равно не сможете. – Я выдернул руку из ее ладони. Сунул, почему то в карман и обиженно произнес.

– Вообще-то у меня кандидатский минимум по астрофизике.

– И что? – Многоголосо засмеялась Астрелла. – Вам это только мешает. Есть же огромное количество вселенных. Вы одна вселенная. Я другая. Ваш.... – Она наморщила лоб.

– Ваше животное – еще одна вселенная. Они проходят друг сквозь друга, смешиваются, оставляют, что-то каждая друг в друге. Воспоминания, любовь, ласку, энергию, вещи. Я вот, например, оставляю в вашей вселенной свой обломанный ноготь.

Она улыбнулась, но не мне, а Матроскину. Позвала его –

Мурлыкнув, что -то на его кошачьем языке. Тот вылез из-под дивана. Важно прошествовал по старому ковру и потеревшись о ноги Астреллы улегся клубком, словно она прожила в этой квартире всю его кошачью жизнь.

– Вот, например, взять вашего Эйнштейна. – Она смотрела на обломанный ноготь и недовольно морщилась. Я рванулся было, предложить ей что ни будь, поправить полочку, но вовремя вспомнил, что инструмент у меня только слесарный, и править свои ногти тяжелым напильником для металла она вряд ли станет.

– Он замечательный ученый и его заключения для вашей вселенной верны. Но – Она посмотрела на меня в упор, словно я был тем самым Эйнштейном и сдавал физику в университете.

– Что случится с материальным предметом, если его разогнать до скорости света? Максимально возможной скорости для вашей вселенной, как он утверждал.

– Масса должна возрасти до бесконечности. – Хмуро отозвался, вспомнив ломаные линии на зеленой преподавательской доске.

– Масса должна стать бесконечной. А линейные размеры? – Она посмотрела на меня, улыбаясь, словно на первоклашку.

– Нулевыми. – Буркнул я в ответ. Мое время терзаний не соответствий законов физики химии математики и механики реальному положению вещей давно перестали меня инте-

ресовать.

Когда то я бы орал на студенческой конференции, что все неправда и вся наша вселенная состоит из кусочков криво нарезанной бумаги.

– То, есть. Он исчезнет из вашей вселенной, причем оставив в пространстве точку с бесконечной массой. Ваши физики сошлись на том, этого просто не может быть. Не может быть бесконечной скорости и бесконечной массы. Просто потому, что не может быть и все. Так же как не может быть обратного течения времени. И индивидуальных вселенных.

Под ее многоголосую лекцию я мирно и с удовольствием сжевал сардельки, слегка припорошенные жареным луком. Запил растворимым кофе с медом, потому что сахар пришлось отдать гостье весь, и, остался этим вполне доволен.

Астрелла могла говорить что угодно. И каким угодно голосом. Мне было уже все равно. Жизнь со своими законами вселенскими или житейскими все равно заставит меня завтра взять газету, телефон и искать новую работу.

Потом когда я получу из рук очередного пройдохи-начальника свою заработную плату, я пойду в магазин куплю что ни будь поесть и постараюсь не забыть сдернуть с полки пакетик Вискаса, в противном случае Матроскин меня просто предаст. Уйдет к тете Глаше на постоянное поселение.

– Вы меня совсем не слушаете – Обиженным голосом произнесла девушка с неба.

– Надо же. Она может обижаться. – Я глубоко вздохнул.

– Простите Астрелла. Но жизнь человека слишком коротка и он не успевает застать те короткие периоды чудес, которые иногда происходят на белом свете. – Я прикрыл рот ладонью. Столько патетики в моих речах было и грусти, что впору было заплакать. Обычно я так не говорил.

Астрелла засмеялась.

– Значит, вам повезло Кирилл.

– В чем же? В том, что я попал на пятьсот долларов и мне придется менять стекла? Аквариум... Ну с ним да... Его давно пора выбросить. Золотая рыбка, которая в нем жила давно умерла с тоски. Так в чем мне повезло? В том, что я увидел инопланетное существо? Прекрасное и недостижимое?

– За прекрасное спасибо. – Откинулась на спинку дивана Астрелла и вытянула длинные стройные ноги.

– Но вот насколько недостижимое? Вы же накормили меня завтраком, восполнили мой энергетический баланс. Сделали для меня много хороших вещей. Взять хотя бы этот свитер. – Она улыбнулась, обнажив снова частокол белоснежных зубов – Мне сразу захотелось предложить ей, что-нибудь попробовать ими перекусить. Например, тот же нож с рукоятью в виде лапы волка. Чисто из любопытства. Но я сдержался. Нож был подарком старого друга. А вдруг она сможет это сделать? Тогда клинок будет уже не починить.

– Я практически в норме и смогу вернуться обратно. Вы достигли цели своей задачи. Помогли мне в тяжелой минуте.

А в квартире мог бы оказаться и другой человек. Не такой добрый как вы. – Она протянула руку и что-то взяла над моей головой. Положила ее на ладонь.

– Вот смотрите – Она потыкала на ладошке, какую – то колючую черную звёздочку.

– Это ваш страх. – Когда – то, очень давно, еще в вашем младенчестве он оказался в вашем сердце и мешал вам жить, так как вы этого хотели.

Я взял с ее ладони черную колючку и с удивление стал ее разглядывать.

– Надо же. Может быть, это та огромная крыса, которую я испугался, когда решил спрятаться у мусорных бачков? Неужели она мне испортила жизнь? Или та ночь когда, оставшись дома один, я увидел женщину в белом. Она была доброй. Эта женщина. Вылечила мне болевший живот. Но я тогда испугался очень сильно. Честное слово. Я же считал, что привидений не существует. Кто его знает? Все равно эта штука теперь лишняя.

Я встал, приоткрыл дверку шкафчика под мойкой и выбросил колючку в ведро.

Астрелла удовлетворенно улыбнулась.

– Может быть, вы там все повибаскиваете ... Лишнее? – Я улыбнулся. Наверное, первый раз после нашей встречи. На душе стало легко. Почему то легко и спокойно.

– Нет. Часть страхов связана с вашей личностью. Если вы перестанете бояться трамваев, то обязательно попадете под

колеса. Зачем? Ваша жизнь и без того коротка. Не так ли? – Она склонила голову на бок. Я молчал. Ночь, которую мы не спали, казалась длинной и сладкой. Я давно так не говорил ни с кем. Мне было просто хорошо молчать с этой девушкой из поднебесья.

– А чем вы там занимаетесь? У себя наверху? Я, например, пишу программы для умных машин. Они считают цифры и дают хорошие советы. – Астрелла встала. Потянулась длинным телом. Взъерошила седые волосы.

– Я танцую.

– Как это? – Опешил я.

– Танцую. – Улыбнулась снова Астрелла. – Бегаю по узким небесным дорожкам. Смещу звезды, и они начинают складываться в созвездия или пускать красивый звездный дождь. У каждого созвездия есть название и оно влияет на судьбу человека, который родился в день, когда я танцевала этот танец.

– Офигеть – Только и удалось мне из себя выдавить.

– Значит, судьба человека зависит от того, что вы там танцуете?

– Не только – Улыбнулась Астрелла.

– Остальное здесь. – Она постучала обломанным ногтем мне в клетчатую рубашку. Снова сморщилась.

Обломанный ноготь ей явно не нравился.

– Вырастет. Буркнул я, поднимаясь с коробки. Заточите,

как положено. Будет лучше нового.

– Знаете что, Кирилл? – Астрелла осмотрела комнату, диван, пыльный телевизор, разбитый аквариум.

– Мне хочется вам помочь. Дать шанс все это. – Она развела руки в стороны.

– Изменить. Именно изменить потому, что вы другой. Это не для вас.

– Я знаю это.

– Не для меня. – Набывчившись, ответил я. – Мои мечты были совсем другими. Я хотел строить самолеты.

– Тогда так... Она протянула мне мой старый мобильник. – У вас есть один единственный звонок, когда я улечу обратно. Я думаю, что вы потратите его с пользой.

– Т.е. мне повезло. – Буркнул я. – Вы исполните мое желание. Любое. Какое захочу.

– Да. – Просто ответила Астрелла и стала присматриваться к стеклу на окне.

– Хорошо. – Вдруг легко согласился я.

– Вам помочь чем-нибудь?

– Нет, не стоит, я справлюсь – Произнесла девушка и яркий оранжевый росчерк, с шипением, появившийся над диваном долго еще держался в воздухе комнаты, отдавая запахом озона.

Я подошел к окну и дырки в нем не обнаружил. Только легкие волны, словно отверстие заплавили газовой горелкой. Аквариум тоже был цел, и в спинке стула не было рваной

дырки.

– Померещилось. – Вздохнул я. – Переработал. Пора в отпуск. Куда-нибудь.

– И поспать. – Я, не раздеваясь, прилег на диван и прикрыл глаза. В голове шумело и булькало. Завтра суббота, на работу не надо. Может и отосплюсь. Блаженно вытянул я ноги. Все. Это был просто сон. Я спал. И мне приснилось. Приснилось что-то очень хорошее.

Звонок был громким и неприятным. Я с трудом разлепил веки и потянулся за телефоном.

– Четыре утра! Какого черта надо было в это время кому то звонить?! Блин!

Телефон выскальзывал из рук. Я с трудом сфокусировал зрение. Звонила Лена бывшая жена. Я не видел ее лет пятнадцать и столько же не разговаривал. Разошлись дороги и все...

– Аня в больнице! – Аня это моя дочь. Результат тех скандалных и непонятных отношений. Чудный умный прекрасный ребенок, выросший в современную красавицу-вамп, который часто забегал ко мне в гости попить чая или просто потрещать за жизнь.

Я вздрогнул. Сон слетел моментально. Ленка не звонила мне никогда. За все пятнадцать лет, что мы были в разводе, я не слышал ее голоса ни по какому поводу. Ни разу. Она давно нашла себе мужчину, и они жили долго и счастливо.

Наверное, и умрут в один день.

– Что с ней? – Ленка плакала. Как обычно делала все десять лет, что я с ней прожил.

– Конкретней. – Уже устав от ее слез, произнес я в трубку.

– Какой-то урод сбил ее на переходе. Она не сможет ходить. – Мысли двигались туго.

В голове шумело. Я же не врач. Надо было искать хорошего врача делать операцию искать деньги. Может быть, придется продать эту халупу. У кого то, что- то занимать. И она позвонила мне.

Черт бы ее побрал! Ей было все равно жив я или давно умер. Но она позвонила мне, как случилось что- то серьезное.

Позвонила мне! Хотя даже не отвечала на смски, когда я поздравлял ее с днем рождения. Что за порода такая? Может быть, я, поэтому теперь холостяк? Пресловутый стакан воды перед смертью, терялся, где то в требовании денег, быть дома, копать картошку, стирать пеленки.

Какое-то детское и слабое

– А мне? А я? – Тонуло и исчезало. Растворялось и терялось.

– Ладно. Промычал я в трубку. Не реви. Сделаю что могу. – Я сбросил номер, потому что уже не мог переносить ее рыданий. Снова взял телефон набрал «скорую».

– К вам должна была поступить девушка.

– Да поступила. Только что. Делаем, что можем.

– Диагноз можно узнать?

– Перелом позвоночника с разрывом нервного столба в районе грудного отдела.

– Спасибо. – Я сбросил вызов. Стал листать справочник. Я надеялся найти Сейфермана. Нейрохирурга, которых на всю Россию было человек десять не больше. Вот он бы дал дельный совет. Искал, пока не вспомнил, что он умер совсем недавно.

– Черт. – Боль и страх пока не проникли сквозь остаточную пелену сонности. Пальцы автоматически листали справочник. Листали до тех пор, пока даже я – полный кретин в медицине понял, что это за диагноз.

Моя девочка никогда не поднимется с инвалидной коляски. Никогда. И никто и ничто не сможет ей помочь. Ни Сейферман, ни Хоттабыч.

Мир завертелся. Поплыли стены. Матроскин фыркнул и сиганул под шкаф. Первый раз в жизни я не знал что делать. Я глубоко вздохнул. Делать, что-то надо было все равно. Хотя бы быть с ней рядом.

– Алло! Такси? Вызов примите, пожалуйста! – Я натянул вытертую кожаную куртку. Сел зашнуровывать ботинки. Взгляд снова упал на светящийся список фамилий и номеров.

– Астрелла – 12345. – Какой странный номер. Я покачал телефон на ладони.

– А если это не сон? И У меня на самом деле есть целое

желание. Целое огромное желание изменить всю жизнь целиком. Летать на самолете. Купить свою яхту, дом в «Майями», грудастую модель в качестве управляющего несметным состоянием. Картинки вспыхивали перед глазами и гасли снова – одна ярче другой.

Я бы мог объездить весь мир. Скататься, наконец, в долину гейзеров, о которой мечтал с глубокого полузабытого детства.

Стать великим художником. Знаменитым программистом. Архитектором.

Построить свою башню, которую бы назвали моим именем. Жить вечно, в конце концов. Или найти ту женщину, которую удалось бы полюбить всем сердцем.

Женщину, которую я люблю всем сердцем. Пальцы уже сами тыкали в кнопки. Я давно ее уже нашел, просто это была не совсем та любовь, которой мне хотелось. Но, это была настоящая любовь.

Я нажал вызов, ни на что не надеясь. Одно единственное желание. Одно.

– Господи! Пусть оно будет одно единственное.

На другом конце послышался треск и длинные гудки вызова.

– Кирилл. Ну, уже пять часов утра. Я днем сплю. – Я узнал голос Астреллы и ледяные иглы, проткнувшие почти остановившееся сердце стали понемногу таять.

– Ты обещала мне. – Я думал, что я это произнес, но горло

перехватило, и в трубку я отправил сдавленный сип вместо фразы.

– Что? Тебя совсем не слышно! – Я прокашлялся.

– Ты обещала мне. – Произнес я в трубку более внятно.

– Ты про желание? – Разочарованно произнесла Астрелла.

– Как обычно миллион долларов?

– Нет.

– Два, три, десять?

– Нет.

– А что же? – Астрелла оживилась. Странный ты Кирилл.

Ты первый кто этого не просит.

– Моя дочь больна. – Свел я разговор сразу к сути.

– Дочь. – Астрелла замолчала.

– У вас у людей – это генетические полукопии.

– И что? Сделай еще одну. Это же ничего не стоит. – Я прикрыл глаза.

– Мне ничего не надо. Только сделай так, чтобы она была здорова. – Я сжал телефон изо всех сил. Мне показалось, что сейчас что-нибудь произойдет.

Произойдет то, что обычно происходит в этих случаях в кино. Садится батарея, рвется связь. В дверь врываются бандиты и бьют по морде бейсбольной битой.

Взрывается фугас, заложенный в дом еще со времен второй мировой войны.

Гаснет электричество на всем земном шаре.

– Хорошо. – Вдруг раздался ее органнй голос. Но больше

желаний не будет.

– Пусть. – Телефон хрюкнул что-то нечленораздельное и в трубке раздались короткие гудки. Я посмотрел на справочник. Имени Астрелла в нем уже не было. Я встал, протопал в ванную как был. В теплой куртке зимних ботинках и сунул голову под струю холодной воды.

Кожа под волосами болезненно сжалась, прося пощады. Я помучил ее еще минуту, до тех пор, пока не утихла головная боль. Вытер волосы полотенцем и снова набрал «скорую».

– К вам должна была поступить девушка.

– Да поступала. С ней все хорошо. Синяки ссадины. Мы сделали уколы против столбняка и отправили ее домой.

– Мать с ней была?

– Да какая-то женщина была рядом. Ругала ее, что она так поздно ходит по улицам одна. А вы ей кто?

– Я ее папа. Спасибо. – Меня зашатало. Я уронил телефон на пол и рухнул на диван. Ни слез, ни рыданий. Лежал каменно, словно гранитная глыба, вывезенная из Карского ущелья.

Мелькала, какая-то маленькая сволочная мысль.

– А ведь все могло быть иначе. Все могло быть совершенно иначе, будь ты хоть немного подонком...

– Ты бы мог возить ее по врачам. Самым лучшим врачам в мире.

– Показывать красивую девушку в коляске репортерам и пускать скупую слезу.

– Нагрести еще кучу бабла на этих фотках и создать фонд колясочников.

– Устроить состязания колясочников, по каким ни будь видам спорта.

– Устроить так чтобы Аня стала королевой красоты колясочников.

– Сделать главой фонда колясочников.

– Баллотировать ее в президенты от фракции колясочников.

Но... Я счастливо улыбнулся. Протопал снова в комнату к продавленному дивану. Сел на него. Сбросил мокрую куртку и шарф прямо на пол. Скинул ботинки. Лег.

Я сделал правильный выбор, правильный потому что сердце пело.

Пело длинной радостной нотой, и я вспоминал и вспоминал ее «мелкую», как она прыгает в синем купальнике симпатичным смугленишем по горячему морскому песку.

Теперь она всегда может это делать. Прыгать по горячему песку. В синем купальнике и охать от того что он сильно прогрет солнцем.

– Господи! – Произнес я, поворачиваясь на другой бок. – Хорошо – то как.

– Завтра же суббота. Хоть высплюсь.

Звонкий щелчок в стекло не дал уснуть. Одновременно хрупнул аквариум, и хрустнула спинка стула. Рядом на подушке вздулся пузырь из смятых перьев и из него, словно из

зародыша пронизанного извилистыми жилами быстро стало вырастать тело.

Оно оформилось за несколько секунд. Оправило мой свитер, потому что он был коротковат, для таких длинных и красивых ног, и село в старое кресло.

Это была Астрелла. Она хмурилась и смотрела на меня, словно я был для нее восьмым чудом света.

– Кирилл... Я так и не поняла, почему ты не выбрал миллион долларов?! В этом сарае нормально жить не-во-зможно!

– Эх ты... Чудо заморское. – Расплылся я в радостной улыбке.

– Ничего-то ты в жизни не понимаешь. Ложилась бы лучше спать.

– Утро вечера мудренее. Давай сюда. На диван

Послесловие

Опубликованные книги автора

Иллюзии – социальная фантастика, боевик, издательство АСТ

Дорога к дому – социальная фантастика, боевик, издательство ЛитРес

Следы на песке – социальная фантастика, боевик-притча, издательство – ЛитРес

Химера – социальная фантастика, боевик, издательство – ЛитРес

Азартные игры богов – фантастический геополитический детектив, издательство – ЛитРес

Билет в первый вагон – хоррор, социальная фантастика, издательство – ЛитРес

У самого синего моря – фэнтезийная юмористическая повесть, издательство ЛитРес

Сказки для маленьких и взрослых – короткие сказочные истории и притчи, издательство – ЛитРес

Крылья – социальная романтическая фантастика, издательство – ЛитРес